

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВИХРЬ НИИРЫ

Владимир Олейник
Смертельный вихрь Ниiry

«Автор»

2026

Олейник В. В.

Смертельный вихрь Ниiry / В. В. Олейник — «Автор», 2026

Марсианская цивилизация создала Вихрь, который уничтожил их планету. Тысячелетия спустя Земля гибнет под тем же Вихрем. Экипаж космического корабля «Кеплер» летит на Марс за таинственным минералом «Кровавая Роса», но терпит крушение. Среди них — капитан Александр Гор, мучимый виной за гибель предыдущей команды; учёная Марина, жаждущая мести за убитого мужа; и Артём, тайный агент корпорации «Крона». Спасаясь, они соединяются с Анной — капитаном пиратов, у которой есть второй ключ к древнему Древу, способному укротить Вихрь. За ними охотится «Крона», мечтающая использовать катастрофу как оружие. Герои пройдут через ледяную пустыню, солончаки, горы и древние подземелья, чтобы у Древа решить судьбу мира. Но активация механизма требует жертвы — и Анна готова заплатить любую цену. Космическая опера о надежде, предательстве и силе тех, кто не сдаётся даже в аду.

© Олейник В. В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Олейник

Смертельный вихрь Ниiry

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВИХРЬ НИИРЫ.

Пролог

Ниiry. Последний вздох

1 500 000 000 лет до нашей эры

Они любили свою планету так сильно, что убили её.

Ниiry — планета, которую мы теперь называем Марсом — угасала, как последняя свеча в руках умирающего бога. Космический ветер сорвал с неё магнитный щит, и дыхание планеты утекало в бездну: тонкими, невидимыми ручьями, слой за слоем, пока небо не стало багровой раной, а океаны — солёными шрамами на теле матери. Леса амбразии, когда-то наполнявшие воздух ароматом вечности, превращались в красную пыль, которую ветер разносил, как пепел забытых молитв.

Жители Ниiry не смогли смотреть, как она умирает в тишине. В глубинах Паладора, в самом сердце последнего света, они соткали Великий Генератор — кристаллическое сердце, которое должно было пить силу из самой тьмы космоса и рождать чистую энергию жизни. В него вложили всё: любовь, страх, воспоминания о том, как Ниiry когда-то пела под солнцем. Хотели, чтобы она снова расцвела. Чтобы амбразия снова коснулась их коконов и подарила ощущение, что время остановилось.

Когда Генератор впервые запел — низко, глубоко, как древний колокол, пробудившийся после миллионов лет сна, — весь Паладор заплакал. Свет внутри него был чище звёзд, теплее воспоминаний о молодости Ниiry. Его создатели обнимались световыми формами, пели старые песни, верили, что спасли свой дом.

А потом тишина разорвалась без звука.

Безмолвный Вихрь родился из их надежды — и пожрал её. Это был первый, самый чистый и самый голодный сгусток того, что потомки назовут Космическим Вихрем, — его прародитель и вечное сердце. Он был прекрасен той страшной, запредельной красотой, которую может иметь только конец всего. Не рычал, не бушевал. Просто ел. Молча. Безжалостно.

Он пожирал энергию Ниiry, свет, звук, саму возможность дышать. Жители пытались его остановить. Закрывали контуры. Гасили ядро. Входили в него телами света, чтобы разорвать цепь изнутри. Их формы гасли одна за другой — как звёзды, падающие в бездну. Последние крики умирали, не родившись.

Ниiry умерла в тишине. Выжившие улетели все.

Они стали Потоками — серебряными теньями, вечными странниками без дома. Отказались от планет, от корней, от самой мысли о принадлежности. Их жизнь превратилась в бесконечное скольжение между звёздами: холодное, молчаливое, полное воспоминаний, которые жгли сильнее солнечного ветра.

Потоки жили в Ковчехах — огромных серебряных семенах, плывущих в пустоте. Не спали — сон был забыт вместе с Ниирой. Медитировали в невесомости. Пели древние песни, чтобы не забыть мелодию дома. Создавали призрачные сады из света, где цвели фантомы амбразии, — чтобы хотя бы на миг почувствовать её аромат. Воспитывали детей в звёздной колыбели, рассказывая им сказки о красной планете, которая когда-то пела.

И всё это время они работали. Миллионы лет. В холодных лабораториях Ковчегов искали способ подчинить Безмолвный Вихрь. Не уничтожить — подчинить. Обратить его голод в созидание. Чтобы однажды вернуться и вдохнуть жизнь в мёртвое тело Ниiry.

Когда механизм был готов, они поняли горькую правду: для его пробуждения требовалась Кровавая Роса — сверхпроводник, рождённый только в ядре Ниiry. С собой удалось взять лишь крохи. Этого было недостаточно.

Возвращаться запрещено.

Верховный Жрец, покидая планету, произнёс слова, которые эхом звучали в каждом коконе:

— Не возвращайтесь, пока на Ниiry не возродится жизнь. Иначе вы принесёте туда только новую смерть. Пусть Кровавая Роса остаётся здесь, в сердце мёртвой матери. Пусть ждёт тех, кто придёт после нас — тех, кто вырастет достаточно сильным, чтобы долететь до неё и взять её дар.

Когда механизм был завершён, небольшая команда посланников отправилась на юную голубую планету — туда, где уже бродили примитивные люди, едва научившиеся держать огонь и смотреть на звёзды с благоговением и страхом.

Они стали учителями. Дали огонь, металл, письмо, астрономию, земледелие. Подняли первые цивилизации из праха. Передавали древние знания через мудрецов и жрецов, которым завещали хранить тайну Древа — механизма, способного подчинить Вихрь.

Местоположение Древа было величайшей тайной. Оно открывалось только при взаимодействии «Кристалла Паладора» и Кровавой Росы в руках чистого потомка первых жрецов.

«Кристалл Паладора» — это был не просто кристалл. Последний осколок их былого величия, наделённый могучей силой. Он отзывался только на чистые помыслы. Только в руках потомка первых жрецов, чья душа оставалась незапятнанной жадой власти, и только в непосредственной близости с энергией Кровавой Росы он пробуждался. Только тогда «Кристалл» становился ключом, открывающим Древо и позволяющим направить силу Вихря на возрождение Ниiry.

Люди должны были вырасти. Достичь уровня, когда сами смогут долететь до Ниiry. Достать из её сердца Кровавую Росу. Принести её — и только тогда Древо проснётся. Только тогда Вихрь станет не концом, а началом.

Посланники выполнили свою миссию на молодой Земле. А потом улетели — оставив жрецов на страже.

Но жрецы решили иначе. Среди них зрела ересь. Сначала тихий шёпот: «Зачем ждать, когда дикари эволюционируют?» Потом — убеждённости: «Мы достойнее». Потом — фанатизм: «Мы должны править».

Тайная секта «Крона» родилась из усталости, из жажды власти и из страха смерти. Её члены смотрели на Древо не как на щит для мёртвой Ниiry, а как на оружие абсолютного господства. Похитили «Кристалл Паладора». Убили тех, кто сопротивлялся. Ушли в тень.

Так они стали невидимыми властителями эпох. Меняли имена, религии, династии — но всегда оставались. Проникали в элиту Шумера, Египта, Персии, Рима, средневековой Европы, современности. Собирали знания, манипулировали царями и императорами. Ждали.

Ждали возвращения Вихря.

Чтобы не остановить его.

Чтобы приручить.

Чтобы стать богами.

Они забыли завет. Забыли Ниiry.

А где-то в бесконечной пустоте космоса Потоки всё ещё ждали. Вечные кочевники. Вечные изгнанники. Сохранившие в сердцах слабый, но неугасающий свет надежды: однажды их дети — выросшие, окрепшие, способные долететь до мёртвой матери — принесут им Кровавую Росу и позволят наконец вернуться домой.

Глава 1. Дорога в пыль

Земная орбитальная станция «Заря-7»

14 марта 2047 года

Невесомость на «Заре-7» была искусственной и подлой. Она не освобождала тело — только подчёркивала тяжесть того, что нельзя сбросить.

Александр Гор стоял у главного иллюминатора купола «Аквариум», прижавшись лбом к холодному кварцевому стеклу. За бортом медленно поворачивалась Земля — огромная, синяя, равнодушная. В правой руке он сжимал старую бумажную фотографию: потрёпанную, запрещённую реликвию.

Шесть лиц улыбались в объектив.

Он сам — двадцать девять лет, с упрямым завитком чёрных волос на лбу и огнём в карих глазах, который тогда ещё не успел погаснуть. Катя Морозова запрокинула голову и смеялась так заразительно, что казалось: в её смехе звенят лунные колокольчики. Сергей «Борода» Леонов корчил рожи, его рыжая борода торчала из-под шлема, как живое пламя. Они были семьёй. Настоящей.

Теперь пятеро из них навсегда остались в холодной тени кратера Птолемей.

А он выжил.

Автоматически. Система аварийного отстрела сработала только у него. У остальных — полный отказ. Как будто кто-то аккуратно выключил её именно для них.

Он до сих пор видел это каждую ночь.

Короткий, сухой щелчок гидравлики. Его модуль выстреливает в пустоту. И сразу — тишина. А потом крик Кати. Тихий, почти удивлённый:

— Саша... у меня не сработало...

Он просыпался от этого звука. Садился в кровати, хватая ртом воздух, и шептал в темноту:

— Я знаю, Катя. Я знаю.

Приговор комиссии был коротким и беспощадным:

— Командир Гор отстраняется от полётов на пять лет. Рекомендована психологическая реабилитация.

Реабилитация. Словно он просто сломал ногу.

Три года он провёл на метеостанции «Полюс Холода» в сибирской тайге. Один. Среди вечных буранов и такой тишины, что в ушах звенело. Сидел у маленького окна, смотрел, как снег заносит мир, и думал: «Вот и всё. Вот что осталось от меня. Вой ветра и белая пустота».

Марс был его самой старой и самой больной мечтой.

С детства. Маленький Саша засыпал с пластмассовым макетом марсохода в руках. Мать читала ему потрёпанные книги про красные каньоны. Отец привозил из командировок открытки с марсианскими видами. Он рисовал на обоях каналы и писал на них: «Здесь будет мой дом».

А потом он предал эту мечту. Погнался за рекордами, за славой, за тем, чтобы стать самым молодым командиром лунной миссии. И получил то, чего хотел: остался жив.

Теперь Марс снова звал его. И он боялся, что это уже не шанс, а приговор.

Размышления прервала церемония в центре зала. Под холодным голубым светом проекторов на сцену вышла доктор Марина Волкова.

Высокая. Прямая. В строгом синем комбинезоне она напоминала клинок, вынутый из ножен. Волосы цвета воронова крыла убраны в безупречный узел. Но главное — глаза. Цвета антарктического льда в полярную ночь. В них не было тепла. Только вековая мерзлота и тлеющий уголёк ярости.

Она подписала контракт одним резким росчерком.

Александр тихо выдохнул:

— Почему именно она?

Рядом прислонился к стойке Дмитрий Соколов — главный механик «Зари-7». Широкоплечий, коренастый, как старый космический буксир. Лицо изборождено шрамами от сварочных искр, осколков и одной давней стычки с мусором на орбите. Глаза маленькие, пронзительно-чёрные, но с искрой — той, что не гаснет даже в самые тёмные смены. Борода седая, короткая, всегда чуть взъерошенная. Он пах смазкой, потом и чем-то, что можно было назвать «космической жизнью». Дмитрий был из тех, кто мог починить реактор голыми руками и при этом рассказать анекдот про то, как однажды «починил» свою бывшую.

Он хрипло рассмеялся и отхлебнул из плоской фляжки:

— Потому что у неё, Саша, счёт к Марсу длиннее, чем твой. И куда кровавее.

Дмитрий понизил голос, хотя вокруг гудел лишь приглушённый гул систем:

— Её муж. Георгий Волков. Гений. Работал с образцами из Долины Маринер. «Ржавая лихорадка». Он сгорел за месяц. Кровь превращалась в ржавчину. Кожа — в старую кору. Марина уверена, что в той пыли был не яд. Был ключ. Отпечаток того, что убило целую планету. И она летит туда не за наукой. Она летит сказать той красной заразе: «Я знаю, что ты сделала».

Александр невольно усмехнулся — криво, через силу:

— Значит, мы с ней теперь в одной лодке. Я — тот, кто всех угробил. Она — та, кто хочет отомстить за одного. Идеальная команда.

Дмитрий фыркнул, но в глазах мелькнуло что-то тёплое:

— Ты себя не угробил, Саша. Система тебя выкинула. А остальных — нет. Это не твоя вина. Это чья-то подстава. Или чья-то ошибка. Или чья-то воля. Но точно не твоя.

Александр молчал. Смотрел на фотографию и думал: «А если бы я успел нажать вручную? Если бы дотянулся до панели? Если бы просто не спешил?»

Дмитрий хлопнул его по плечу — сильно, по-мужски:

— Эй, герой-одиночка. Хватит себя жрать. Марс зовёт. А ты, как всегда, опаздываешь на вечеринку.

Александр криво улыбнулся:

— Я уже опоздал на одну. На следующую не хочу.

В этот момент на огромном экране всплыли фотографии будущего экипажа.

Третья — его собственная. С «Луны-12». Официальная, в парадной форме. Под ней зажглась надпись: «Александр Гор. Командир миссии. Отстранение аннулировано по личной рекомендации доктора М. Волковой».

В груди что-то резко дёрнулось. Смесь шока, неверия и той самой запретной надежды.

Дмитрий присвистнул:

— Ну всё. Твой билет в один конец оплачен. И знаешь, что самое забавное в этом «Прометее»?

Он наклонился ближе, и Александр почувствовал запах смазки и космической пыли:

— Говорят, это фасад. Настоящие деньги — из фонда старого, как мир. Называется... «Крона». Слышал такое?

Слово упало тяжело, как замок, щёлкнувший в темноте.

Александр не ответил. Он смотрел на пустой проём шлюза, где исчезла Марина, и чувствовал, как старые шрамы на душе ноют в такт мерцанию станционных огней.

Дмитрий хлопнул его ещё раз по плечу:

— Не грузись, командир. Если что — я тебе всегда припаяю новый шлем. Или новую совесть. У меня в запасе есть.

Александр тихо усмехнулся:

— Спасибо, Дим. Но совесть у меня своя. И она тяжёлая.

Дмитрий пожал плечами:

— Тогда несите её вместе. У вас с Волковой теперь общий груз.

Дорога в пыль началась.

Не с грохота двигателей. А с тихого щелчка подписанного контракта, шёпота чужого имени и грустной шутки старого механика в полумраке орбитальной станции.

Он ещё не знал, что эта дорога ведёт не просто к мёртвой планете, а к древней катастрофе, к тайне, спрятанной под снегами, и к правде, которая может оказаться страшнее любой вины.

Глава 2. Испытание песком

Тренировочный комплекс «Марс-Симулятор», пустыня Гоби, Монголия 15 августа 2047 года

Пустыня Гоби в августе была не местом — она была наказанием. Воздух дрожал над раскалёнными песками, превращая далёкие скалы в призрачные миражи. Солнце висело над головой как раскалённый медный диск, и даже тень внутри купола казалась горячей.

Внутри гигантского геодезического купола «Марс-Симулятор» царил свой собственный ад: разреженный воздух сушил горло после каждого вдоха, искусственная гравитация 0.38 g заставляла ныть колени и поясницу, а красная пыль — измельчённый базальт с оксидами железа — забивалась в каждую щель, скрипела на зубах, проникала в поры и окрашивала кожу и комбинезоны в ржавый цвет. Будто сама планета заранее предупреждала: «Здесь не выживут слабые».

Александр Гор стоял в ангаре перед макетом спускаемого аппарата «Фобос-2». Пальцы машинально скользили по холодному металлу — каждый рычаг, каждая заклёпка, каждый аварийный клапан. Он проверял их в сотый раз, хотя знал наизусть. Три месяца изнурительных тренировок превратили тело в точный инструмент, но разум всё ещё возвращался в кратер Птолемей — в тот миг, когда система отстрелила только его модуль, а у остальных отказала функция спасения.

Размышления прервал бодрый, почти неестественно весёлый голос:

— Командир! Кажется, наш геолог-палеонтолог окончательно решил, что мы летим на поиски сокровищ фараонов, а не на Красную планету. Взгляните на это великолепие!

К Александру подошёл Артём Лазарев. Открытое располагающее лицо, вечная улыбка, карие глаза с детским любопытством. Тренировочный комбинезон с нарукавным карманом, откуда торчали кисточка и маленький геологический молоток — его фирменные «игрушки». В руках — кусок песчаника со спиральным узором, который он старательно выцарапывал ножом.

Александр постарался, чтобы в голосе не прозвучало раздражения:

— Что на этот раз? Карта пиратских кладов?

— О, куда лучше! — Артём поднёс камень ближе, глаза загорелись. — Слоистость! Это же аналог формации «Кровавая Роса»! Теоретический минерал, который, по моим расчётам, мог сформироваться только в условиях катастрофического давления и тепла в марсианском ядре на заре планеты. Если мы найдём его *in situ*... это перепишет все учебники! Ключ к геологической памяти планеты!

Александр взглянул на царапины. Спиральный узор выглядел слишком намеренным. Слишком точным для «теоретического» минерала. Он невольно спросил:

— Откуда у вас такие точные расчёты? В открытых источниках про «Кровавую Росу» — пара строк гипотез.

Артём на секунду замер — улыбка не исчезла, но глаза чуть сузились.

— О, я много читаю специализированную литературу. И моделирую. Это моя страсть.

Он отвёл взгляд и быстро сунул планшет в карман — слишком быстро. Александр заметил. Дмитрий тоже заметил.

В этот момент в ангар ввалился Дмитрий Соколов — в нелепом старом скафандре «Орлан-Д», раскрашенном в кислотно-розовые и зелёные полосы. Шлем болтался на ремне, лицо сияло ухмылкой.

— Гор! Я тебя нашёл, птенчик орбитальный! Думал, от меня в этой песочнице спрячешься?

Он швырнул Александру заляпанный маслом мешок:

— Средство первой психологической помощи! Тушёнка 2035 года — выдержка, как у хорошего коньяка, — сухари и мой личный паяльник. На случай, если роботы взбунтуются или археолог начнёт нести чушь про марсианских фараонов.

Артём фальшиво рассмеялся:

— О, коллега! Я как раз демонстрировал командиру образец!

Дмитрий взял камень, покрутил в руках и сунул Артёму деталь от старого туалета «Салют-7»:

— Вот это да! Настоящий артефакт! С орбитального сортира. Можешь говорить, что это древний марсианский коммуникатор. Носи с гордостью.

Артём взял деталь, но улыбка на миг дрогнула. Он быстро спрятал её, но Дмитрий заметил.

— Что, не понравилось? — Дмитрий подмигнул. — Не переживай, археолог. Это не просто туалет. Это туалет «Салют-7». Историческая ценность. Может, даже древний марсианский артефакт. Ты же любишь древности? Или тебе больше нравятся те, которые ты сам выдумываешь?

Артём расслабился — чуть громче, чем нужно, — и быстро отвернулся к своему столу. Он снова открыл планшет, пальцы быстро пробежались по экрану, и он что-то напечатал — коротко, нервно. Дмитрий заметил и тихо сказал Александру:

— Видел? Опять в планшет уткнулся. Как будто там ядерные коды. Или «слёзы» свои рисует. Станный тип. Слишком много знает для «теоретического» минерала.

Александр кивнул. Внутри уже росло то самое чувство — когда интуиция шепчет: «Что-то не так».

Дмитрий отвёл Александра и подошедшую Марину в сторону, к тени посадочных опор:

— Ну что, герои? Как вам ваш новый друг? Слишком весёлый для человека, который копается в пыли миллиардолетней давности.

Марина холодно спросила:

— Вы о чём, Дмитрий?

— О том, что пока вы тут в песочек играете, я на «Заре» болты кручу. И уши у меня длинные. Про Лазарева ходят слухи. Контракт у него особый. Отдельная статья финансирования — «поиск специфических экзоминералов». И подписан не кем-нибудь, а самим советом директоров. Очень личная для них тема, эти «слёзки».

Александр и Марина переглянулись.

Дмитрий почесал затылок:

— И ещё мелочь. С Байконура заказали два сверхпрочных титановых контейнера для образцов. С биометрическими замками и встроенными маячками. Такие штуки обычно для чего-то очень ценного и, возможно, немного радиоактивного делают. А наш археолог ещё и планшет прячет, как будто там ядерные коды. Я только что видел, как он что-то строчил и быстро закрыл экран. Небось очередную «слезу» рисует.

Он хитро подмигнул и громко крикнул на весь ангар:

— Эй, Гор! Если что — паяльником по лбу! Проверено на трёх строптивных спутниках. Работает! И Лазареву заодно молоток к голове приклею — вдруг он и там древности найдёт!

Его смех затих за шлюзом.

Сирена взвыла — внеплановая тренировка.

После тренировки Александр и Марина остались вдвоём у спускаемого аппарата. Пыль медленно оседала. Тишина была густой, почти осязаемой.

Александр наконец спросил — глядя не на неё, а на ржавые стены:

— Почему вы выбрали меня? После Птолемея. Вы, наверное, единственный человек в отрасли, кто прочитал моё дело не как предостережение, а как рекомендацию.

Марина помолчала. Её ледяной взгляд изучал его профиль.

— Я выбрала вас по трём причинам. Первая: вы — лучший пилот внеземных миссий своего поколения, даже с учётом ошибки. Ошибки учат. Вторая: вами движет искупление, а не слава. На Марсе нет места тщеславию — только фанатизм или долг. У вас — второе.

Она сделала паузу.

— И третья?

— Третья — потому что они дали мне вас. «Прометей» и люди из «Кроны» одобрили вашу кандидатуру за три дня до этого. С пометкой «восстановление репутации ценного кадра». Они хотят, чтобы вы были здесь. И я хочу понять — почему.

Её слова повисли в воздухе.

Александр почувствовал холодок по спине.

— Я уже видел это название. «Крона».

Марина повернулась к нему. Ледяной взгляд стал острее.

— Когда?

— На Луне. «Луна-12». Официально — научная экспедиция. На самом деле деньги шли от фонда «Крона». Они искали какой-то таинственный минерал. Никто не говорил, что именно. А потом... система отстрелила только мой модуль. У остальных — полный отказ. Как будто кто-то специально выключил функцию спасения именно для них.

Он замолчал. Голос стал хриплым:

— Я тогда уже подозревал, что это не случайность. А теперь... меня вытаскивают именно они. И я боюсь, что вся эта миссия — продолжение той же игры. Только теперь я не хочу, чтобы кто-то из вас остался в той же могиле.

Марина долго смотрела на него. Впервые в её глазах мелькнуло что-то человеческое — не жалость, а понимание.

— Значит, мы оба здесь не случайно, — тихо сказала она. — Мой муж тоже работал на них. Неофициально. Он нашёл что-то в той пыли. И они его убрали. Я лечу не за наукой. Я лечу за правдой.

Она сделала шаг ближе:

— Если «Крона» стоит за обеими экспедициями — значит, они ищут одно и то же. И мы с вами — просто инструменты, которые должны это доставить.

Александр посмотрел ей в глаза:

— Тогда давайте хотя бы не будем слепыми инструментами.

Марина едва заметно кивнула:

— Договорились, командир.

В этот момент в ангаре снова раздался голос Дмитрия — он вернулся и тащил ящик с инструментами:

— Эй, голубки! Хватит шептаться! У нас тут ещё три симулятора разгерметизации! Или вы уже решили, что Марс подождёт, пока вы романтику наведёте? Давайте, а то я вам сейчас паяльником мотивацию подниму! И Лазареву заодно молоток к голове приклею — вдруг он и там древности найдёт!

Александр невольно улыбнулся.

Марина тоже — совсем чуть-чуть, уголком губ.

Но в глазах у обоих стояла одна и та же мысль: игра началась. И теперь они хотя бы знают, кто раздаёт карты.

В гуще сирен и команд между ними возникла нить. Не дружба. Согласие. Понимание: они оба — инструменты в чужой игре. И единственный шанс выжить — играть вместе.

А в углу лаборатории Артём Лазарев улыбнулся экрану планшета. Под шифром горело: «Агент «Корень» на связи, готов к дальнейшим указаниям». Он оглянулся по сторонам и выключил планшет. Лицо снова стало открытым, дружелюбным. Он посмотрел на бегущих Александра и Марину.

Глава 3. Транзит в безмолвии

Межпланетный транспортный корабль «Кеплер», на полпути к Марсу

12 февраля 2048 года

Космос между Землёй и Марсом — это не чёрная бездна из голливудских фильмов. Это монохромное царство усталости. За иллюминатором «Кеплера» плыла вечная, густая чернота, усыпанная немигающими, безжалостно острыми звёздами. Солнце уменьшилось до яркой холодной точки: оно не давало тепла, только слепило. Земля стала просто ещё одной голубоватой звёздочкой в хвосте созвездия Овна. Чувство тотального, физического одиночества висело в переработанном воздухе плотнее, чем запах пластика и антисептика.

Четыре месяца полёта из девяти позади. Рутинка поглотила всё: тренировки, проверки систем, безвкусная еда из тюбиков, попытки читать и смотреть голофильмы, которые быстро наскучивали.

Единственным источником непредсказуемости был Дмитрий Соколов. Старший механик миссии, он умудрился превратить технический отсек в своё личное феодальное владение. Оттуда периодически доносилось его бормотание, ругань, а иногда — дикий раскатистый смех.

— Эй, командир! — раздался его голос из динамика. — У нас тут маленький праздник! Система рециркуляции воды наконец-то родила!

Александр, дежуривший у главного пульта, оторвался от графиков:

— Что?

— Четыре месяца я с ней возился, а она, стерва, всё копила и копила! — с неподдельной гордостью докладывал Дмитрий. — И вот, ясное дело, родила осадок. Знаешь какой? Настоящий космический жемчуг! Три шарика кальция размером с горошину. Один, я смотрю, идеально круглый. Решил подарить нашему археологу. Пусть говорит, что это украшение марсианской принцессы.

В углу кают-компании Артём Лазарев строил сложные минералогические модели. Он поднял голову и натянуто улыбнулся:

— Очень забавно, Дмитрий. Я как раз изучаю кинетику формирования сферических конкрементов в невесомости...

— Брось, учёный! — парировал Дмитрий. — Это жемчуг! Можешь на цепочку надеть. Будешь самым модным парнем на Марсе, когда мы приедем.

Александр не смог сдержать улыбки. Безумие Дмитрия было глотком живой, земной, пусть и абсурдной, реальности в металлической утробе корабля. Его взгляд встретился со взглядом Марины Волковой. Она сидела в своей нише, окружённая экранами с данными по ксилотоксикозу. В её ледяных глазах на мгновение мелькнуло что-то вроде усталого понимания. Даже её бесстрастный разум признавал ценность этого человеческого, чудаковатого фактора.

Именно в этот момент на главном экране дрогнула кривая гравитационного фона.

Александр мгновенно сосредоточился. Это была не ошибка датчика. Крошечный, едва уловимый скачок. Будто гигантская невидимая рыба проплыла где-то рядом, слегка исказив пространство.

— Волкова, Лазарев, — позвал он, голос стал собранным, командирским. — Взгляните на показания гравитационных сенсоров. Сектор Альфа-Три. У вас тоже аномалия?

Марина мгновенно переключила свои экраны. Брови чуть приподнялись:

— Подтверждаю. Флуктуация в пределах 0.0001 g. Но паттерн... не похож на микрометеоритный след. Это скорее волна. Расходящаяся.

Артём подошёл, его лицо выражало научный интерес:

— О! Возможно, мы пересекаем след неизвестного тёмного тела? Или это эффект от гравитационного «хвоста» астероида, которого нет в наших каталогах?

— Или наш «Кеплер» просто испускает желудочные газы от твоей космической тушёнки, Соколов? — не удержался Александр, пытаясь сбросить напряжение шуткой.

Из динамика раздался хохот:

— Мои консервы, Саша, создают устойчивую тягу, а не помехи! Но серьёзно, я погляжу на вибродатчики корпуса... Чёрт. Они тоже поют странную песню. Лёгкая, едва уловимая вибрация. Не от двигателей. Будто обшивку тихонько звенит на резонансной частоте.

Это было уже серьёзно. Александр запустил глубокую диагностику. Все системы в норме. Но что-то было не так. Это «не так» — такое же неуловимое, как тот гравитационный всплеск. Воздух казался чуть более густым, тишина — чуть более давящей.

В следующие недели аномалии стали ритуалом. Их назвали «Призраками «Кеплера»». Раз в несколько дней гравитационные сенсоры фиксировали слабые волны. Вибрация корпуса, которую чувствовали только сверхчувствительные датчики и, как уверял Дмитрий, его «механическое нутро». Однажды на три минуты отказала звёздная навигация — гироскопы показали бешеное вращение, которого на самом деле не было. Компьютер диагностировал «программный сбой».

Артём Лазарев казался всё более озабоченным, но не аномалиями. Он дни напролёт проводил в лабораторном модуле, анализируя на симуляторах данные о марсианской коре, всё чаще запрашивая у Земли (через зашифрованный канал, как заметила Марина) специфические геофизические карты региона посадки.

Однажды, во время плановой проверки скафандров, Дмитрий устроил «инспекцию».

— Так-с, — бормотал он, обходя Марину в её жёстком кресле. — Скафандр доктора Волковой. Всё герметично. Запах — стерильной ярости и антарктического льда. В норме.

Он перешёл к Александру:

— Скафандр командира. Герметичность есть. Запах — сибирской хвои, старый вина и... о, новенькой надежды! Интересный коктейль.

Затем подошёл к Артёму, который неохотно поднялся. Дмитрий преувеличенно вслух понюхал воздух у его шлема:

— Хм. Скафандр археолога. Герметичность... вроде бы. А запах... Запах-то какой странный. Пахнет пылью библиотек, дорогим одеколоном и... озоном. Как после сильной электрической дуги. Ты что, дружок, тут втихаря электросваркой балуешься?

Артём неестественно бледно улыбнулся:

— Это, вероятно, статическое электричество от синтетических материалов, Дмитрий.

— Статика, говоришь? — Дмитрий прищурился. — Ну-ну. А я думал, может, ты тут порталы в иные измерения открываешь. Ладно, все свободны.

После этого «ритуала» Марина тихо сказала Александру, когда они остались вдвоём у иллюминатора:

— Озон — продукт мощного электрического разряда. У Лазарева в личном отсеке стоит оборудование для спектрального анализа высокой точности. Оно таким напряжением не питается.

Подозрения крепили. Но они были ничем по сравнению с Главной аномалией, которая случилась за месяц до расчётной орбитальной встречи с Марсом.

Это началось с тихого низкочастотного гула. Микрофоны его не улавливали, но чувствовали кости. Затем свет — ровное белое освещение от панелей — начал мерцать с едва уло-

вимой пульсацией. А потом Александр увидел звёзды. Они за иллюминатором... сдвинулись. Нет, не корабль развернулся. Именно звёзды, как кадры на плёнке, дёрнулись, сместились на градус и замерли в новом положении.

— Что это было? — выдохнул Артём, вцепившись в поручень. В его голосе впервые прозвучал не научный интерес, а животный страх.

— Корабль не менял ориентацию, — монотонно констатировала Марина. Пальцы летали по сенсорным панелям. — Гироскопы в норме. Но внешние камеры фиксируют то же смещение. Как если бы сдвинулся сам пространственный ориентир.

— Всем молчать! — отрывисто бросил Александр.

Он слушал. Гул затихал. Свет стабилизировался. Звёзды снова стояли неподвижно. Но что-то изменилось. Датчики дальнего обнаружения, сканировавшие пространство по курсу, начали выдавать «шум». Не хаотичный. Структурированный. Слабые, повторяющиеся сбои в радиодиапазоне. Как эхо от чего-то огромного и невидимого.

Из динамика раздался голос Дмитрия, лишённый всякой шутливости, глухой и серьёзный:

— Саша... Марина... Я тут в реакторном отсеке. Показания нейтронных счётчиков... они на три процента выше фона. И растут. Медленно, но растут. Как будто нас подсвечивают. Словно мы плывём не в пустоте, а в какой-то очень разреженной, но активной среде.

Тишина на мостике стала абсолютной. Шутки про жемчуг и тушёнку испарились. Они смотрели на огромный кроваво-красный диск Марса, который теперь занимал почти пол-иллюминатора. Он был больше не целью. Он был убежищем. От того, что скрывалось в транзитной пустоте, что искажало реальность вокруг их корабля. От того, что Александр в оперативном журнале сухо обозначил как «Явление К-1», а в мыслях назвал иначе — Предвестник Вихря.

«Кеплер» был молчаливым, но чутким существом. Он стонал тихими вибрациями при каждой коррекции курса, вздрагивал от ударов микрометеоритов, как живое, и, казалось, впитывал в свои стены все разговоры, все страхи, все надежды экипажа. Его системы были старыми, но проверенными. Каждый скрип корпуса, каждый сбой в контуре знали наизусть — и Дмитрий Соколов, и сам Александр Гор. Он был их общей кожей, отделяющей хрупкий мирок тепла, воздуха и сознания от безразличной убийственной пустоты.

И теперь, на полпути к Марсу, этот старый надёжный корабль начал вести себя странно. Его привычные убаюкивающие звуки искажались. Металлическая плоть отзывалась на невидимые прикосновения Вихря — тихим звоном, непонятными вибрациями, будто «Кеплер» первым начал слышать приближение чего-то чудовищного, плывущего сквозь ткань пространства. Он стал не просто транспортом, а первым пациентом и главным свидетелем надвигающейся аномалии.

Путешествие подходило к концу. Но настоящая миссия — полная страха, тайн и невидимой угрозы — только начиналась.

Глава 4. Наследие Кроны

Каир, Египет. Катакомбы под мечетью Ибн Тулуна

11 марта 2047 года

Воздух в катакомбах был густым, как бульон, и пах тысячелетиями пыли, влажного камня и страха. Леонид Кречет — мужчина лет сорока с лицом, изборождённым не столько возрастом, сколько постоянным бегом и недосыпом — протискивался через узкую расщелину. Его одежда — рваные штаны хаки и поношенная рубашка — была покрыта бледной, как пепел, каирской пылью. За спиной болтался потрёпанный кожаный рюкзак, набитый тем, что обычные люди называли бы хламом, а он знал: это осколки истины.

В руке, в тряпичной обёртке, он сжимал добычу. Не золотую статуэтку, не папирус. Кристалл. Один. Единственный. Небольшой, размером с фалангу пальца, мутно-серый, почти

невзрачный. Но в свете налобного фонаря в его глубине мерцали странные, самоцветные искры, будто заключённая молния. Он украл его два часа назад из частной коллекции влиятельного члена «Общества Географических Исследований» — одной из многочисленных ширм «Кроны». Это был «Кристалл Паладора».

Леонид вынырнул в небольшой каменный зал. Напротив, на грубо отёсанной стене, кто-то наспех, но яростно выцарапал ножом или пулей надпись: «ΚΡΟΝΟΣ ΟΥ ΜΗΝΣΙΚΑΚΕΙ» — «Крона не прощает». На древнегреческом. Предупреждение или проклятие? Для Леонида — и то и другое. Он слишком долго рылся в грязном белье этой древней организации, слишком близко подобрался к их секрету о Вихрях — пространственно-временных аномалиях, которые они не просто изучали, а пытались приручить.

Он услышал шаги. Быстрые, лёгкие, но не осторожные — уверенные. Рванулся к другому выходу, но из темноты перед ним возникла фигура.

Анна Кречет. Его младшая сестра. Ей было двадцать девять, но в её гибкой, подтянутой фигуре, сформированной годами профессионального фехтования, угадывалась и сила, и изящество. Никакой пыли на тёмной практичной одежде. Короткие каштановые волосы обрамляли живое лицо с высокими скулами, прямым носом и упрямым подбородком. В её серых, широко распахнутых глазах читались не наивность, а тревога, упрёк и непобедимая решимость.

— Леонид! Боже, на кого ты похож! — её голос был сдавленным шёпотом, но в нём звенела сталь. Слезы уже стояли в глазах. — Ты исчез на месяц! Мне звонили «из музея»! Говорили, что если я что-то знаю о пропаже...

— Аня... — он выдохнул её имя с такой нежностью и болью, что у неё перехватило дыхание. Шагнул к ней, обнял одной рукой — крепко, отчаянно, как в детстве, когда они прятались от грозы в подвале. — Прости меня. Прости, что втянул тебя в это. Но времени совсем нет.

Он судорожно расстёгивал саквояж. Руки дрожали.

— Они ищут не просто кристалл. «Крона» верит, что этот артефакт — управляющий элемент. Что с его помощью можно направлять Вихрь, как реку плотиной. Использовать их энергию... или разрушительную силу.

Он вытащил небольшой, почерневший от времени металлический кулон в форме стилизованного вихря. В его центре было пустое гнездо.

— Но они ошибаются! — Леонид впился взглядом в сестру, глаза горели фанатичной убеждённой и отчаянием. — «Кристалл» — это не руль! Это ключ! Код доступа! Настоящее оружие, машина, механизм... он на Земле. И его местоположение откроется только чистому потомку первых жрецов, когда кристалл и Кровавая Роса объединят свою силу. Только тогда Древо проснётся.

Он с силой вдавил украденный серый кристалл в гнездо кулона. Раздался тихий высокий звон — неслышимый уху, но от которого заныли зубы. Кулон на мгновение вспыхнул холодным синим светом, и в воздухе запахло озоном и старым космическим холодом.

— Аня... — голос Леонида дрогнул, стал мягче, почти умоляющим. Он взял её лицо в ладони, как в детстве, когда она плакала из-за разбитого колена. — Ты всегда была чище меня. Всегда боролась за правду, а не за власть. Помнишь, как мы в подвале клялись друг другу, что будем защищать мир? Вот твой шанс. Возьми. Пожалуйста.

Он сунул кулон с кристаллом ей в руку, сжимая её пальцы в кулак вокруг него. Его прикосновение было ледяным, но глаза — горячими от слёз.

— Ты — моя маленькая сестрёнка. Если кто-то и сможет активировать Древо... то это ты. Найди Росу. И если ты окажешься чистой... если Древо увидит в тебе то, что видел я... тогда оно само откроет своё сердце.

Где-то сверху, на уровне улицы, прогремел приглушённый взрыв. Потолок галереи вздрогнул, с него посыпалась пыль и мелкие камешки. Шаги за спиной Леонида стали громкими, тяжёлыми, не скрывающими своего присутствия.

— Они здесь, — прошептала Анна, голос сорвался, слёзы уже текли по щекам. — Леонид, пожалуйста... отдай им кристалл. Я не могу тебя потерять... не снова... не после мамы...

— Ни за что, — прошипел он, но в голосе уже была нежность. — Потому что это стоит миллионов жизней. А ты... ты стоишь всего мира для меня.

Он резко развернул её к узкому боковому проходу, в конце которого слышался слабый звук бегущей воды — древнего дренажного канала, ведущего к Нилу.

— Беги, Аня! — крикнул он, и в его голосе была любовь, отчаяние и гордость. — Найди Росу. И если Дерево проснётся... если оно увидит в тебе чистоту... тогда мы победим. Обещаю тебе. Я всегда буду с тобой. Даже если... даже если меня не станет.

Он не договорил. Из главного туннеля выбежало трое мужчин в тёмной неброской одежде, вооружённые до зубов. Их лица были спокойны, глаза пусты.

— Кречет. Артефакт, — сказал первый, его голос — без эмоций, как голос автоответчика. — И ваше сотрудничество. «Крона» предлагает последний раз.

Леонид одарил их дикой оскаленной улыбкой:

— Передайте «Кроне»: их время кончилось. Вихрь придёт и за ними.

Затем он с силой толкнул Анну в тёмный проход. Она отшатнулась, полетела вниз по скользкому камню, инстинктивно сжимая кулон на груди. Слёзы текли по её щекам, смешиваясь с пылью.

— Леонид! — закричала она, голос сорвался в рыдание. — Не надо! Пожалуйста! Я люблю тебя!

Последнее, что она увидела, — как брат, крича что-то неразборчивое, рванул вперёд. Затем — оглушительный взрыв, на этот раз изнутри галереи. Волна горячего воздуха и обломков вырвалась из прохода, ударив Анну в спину. Её сбilo с ног, и она кубарем полетела в ледяную грязную воду подземного канала.

Темнота. Холод. Давящий рёв воды в ушах. Она цеплялась за сознание, как за спасательный круг. Слёзы текли не переставая. В кулаке, судорожно сжатом, жгло ладонь — то ли от формы кулона, то ли от странной энергии кристалла. В голове, поверх шума воды, стучали, как молотки, слова брата: «Найди Росу... Если ты чистая... Дерево проснётся... Я всегда буду с тобой...»

Её вынесло в Нил под покровом ночи. Выжила. Не благодаря удаче. Благодаря брату. Теперь у неё не было выбора. У неё был ключ. И слёзы. И древняя ледяная тайна, в которой могла быть похоронена надежда всего человечества — или самое страшное оружие, которое оно когда-либо создавало.

А далеко-далеко, на подлёте к Марсу, экипаж «Кеплера» чувствовал, как пространство вокруг корабля снова тихо поёт странную тревожную песню. Песню Вихря. Который, возможно, ждал своего ключа.

Глава 5. Шёпот Вихря

На подлёте к Марсу, корабль «Кеплер»

9 июня 2048 года

Тишина в космосе — это не отсутствие звука. Это давление. Она ложится на грудь, как мокрый бетон, и медленно выдавливает воздух из лёгких. Шесть месяцев «Кеплер» плыл в этой тишине, и экипаж уже привык к ней, как к старой ране. Но в этот день тишина треснула.

Александр Гор сидел у пульта, когда корабль вздрогнул. Не сильно — будто кто-то постучал по обшивке изнутри. Сенсорные экраны мигнули красным, ИИ-система издала короткий

жалобный вой, и искусственная гравитация на мгновение дрогнула, заставив желудок подка-
тить к горлу.

Он знал этот симптом. Знал слишком хорошо.

— Дмитрий! — крикнул он по интеркому, голос сорвался на хрип. — Что происходит?

Из машинного отсека донеслось — быстро, зло, со страхом:

— Это он, Александр! Вихрь! Прошёл мимо, но задел нас! Энергоблоки два и три горят!

Переключаю на резерв, но... держись, держись, пожалуйста!

Александр вцепился в края пульта так, что костяшки побелели. Перед глазами — Луна, кратер Птолемей, голос Кати в наушниках: «Саша... у меня не сработало...» Он зажмурился на секунду, прогоняя видение. «Не сейчас. Не с ними. Не снова».

Марина Волкова стояла в лаборатории, когда свет мигнул. Схватила за край стола, чтобы не упасть. Данные на экранах рассыпались, как песок. Вспомнила мужа — его последние сообщения с Птолемеем: «Это не катастрофа. Это голод. Он ест планеты». Слезы жгли глаза, но она сжала зубы. «Я не дам ему забрать и нас», — подумала она, чувствуя, как ярость пере-
крывает страх.

Артём Лазарев сидел в своём углу, сгорбившись над моделями. Когда корабль трянуло, он инстинктивно схватился за край стола. «Только не сейчас, — подумал он. — Не когда я так близко к выполнению задания». Сердце колотилось — не от страха за жизнь, а от страха потерять шанс.

Корабль трясло всё сильнее. Свет пульсировал, как сердце в агонии. Искусственная гравитация то ослабевала, то возвращалась рывками. Александр боролся с пультом, пытаясь удерживать курс. Дмитрий в машинном кричал, перекрывая вой сирен:

— Саша, мы теряем энергию! Шестьдесят процентов! Пятьдесят! Сорок! Если не посадим сейчас — конец! Всё!

Александр закрыл глаза. Вспомнил лица Кати, Сергея, остальных. Как остался один в спасательной капсуле, слушая тишину вместо их голосов. «Я не потеряю их снова», — подумал он. Открыл глаза. Голос стал твёрдым, но внутри всё кричало:

— Готовь посадку. Птолемей. База. Это ближайшее место с укрытием.

— Там радиация! Пыльные бури! База заброшена двадцать лет! — крикнул Дмитрий, голос сорвался. — Мы можем не выдержать!

— Или там, или в космосе. Делай.

Дмитрий замолчал на секунду. Потом тихо, почти шёпотом:

— Хорошо... держись, ребята. Держитесь.

Корабль вошёл в атмосферу под углом, граничащим с безумием. Тряска стала невыносимой — корпус стонал, как раненое животное, экраны мигали, в иллюминаторах мелькали красные всполохи плазмы. Александр вцепился в пульт, чувствуя, как сердце колотится в горле. Дмитрий в машинном кричал команды системам, голос дрожал от напряжения:

— Держись... держись, пожалуйста... не умирай...

Марина прижалась к стене, слёзы текли по щекам. Думала о муже, о том, как он умер, пытаясь предупредить мир. «Я не дам этому повториться», — шептала она, сжимая кулаки до боли.

Артём сжал кулаки и шептал про себя: «Только не сейчас... только не сейчас...»

Корабль скользнул по красной пыли, оставив длинную борозду, и замер. Тишина. Только гул остывающих систем и тяжёлое дыхание экипажа.

Дмитрий вышел из машинного — лицо в поту, глаза красные, руки трясутся от адреналина:

— Живы... — выдохнул он, голос дрожал. — Но это всё. Энергосистемы — сорок процентов. Некоторые топливные отсеки не прошли испытания на прочность, Вихрь их повредил. Топлива осталось тридцать восемь процентов. Хватит на возврат на Землю, но только в эко-

номном режиме. Это удвоит срок полёта — восемнадцать месяцев вместо девяти. И то, если повезёт.

Александр кивнул, чувствуя, как внутри всё холодеет. Восемнадцать месяцев в консервной банке, на грани выживания. Вспомнил, как остался один на Луне. «Не снова», — подумал он.

— Связь? — спросил тихо.

Дмитрий покачал головой:

— Все системы связи выведены из строя. Нет связи с Землёй. Мы одни.

Марина стояла рядом, бледная, но глаза горели решимостью:

— Официальная миссия остаётся в силе. Мы здесь, чтобы изучить данные на базе Птолемея и разобраться в причинах гибели Марса. Мы не можем просто вернуться. Мы должны понять, что произошло. И почему.

Артём кивнул, но в его глазах мелькнуло облегчение — почти незаметное, но Александр заметил.

Он принял решение. Голос был твёрдым, но внутри всё кипело от страха и вины:

— Мы выполним миссию. Разберёмся с данными Птолемея. А потом вернёмся. Дмитрий — со мной. Ремонт. Планируем маршрут возврата.

Александр и Дмитрий занялись ремонтом. Часы, дни — латали системы, перераспределяли энергию, рассчитывали траекторию. Каждый день был борьбой с кораблём, который умирал. Пыль забивалась в трещины, радиация грызла электронику, а Вихрь шептал в вибрациях корпуса.

Тем временем Артём начал поиски Кровавой Росы. Это была его тайная задача от «Кроны» — найти и привезти минерал на Землю. Он маскировал поиски под изучение пород планеты — так, будто это могло дать ключ к пониманию причин её смерти. «Это важно для отчёта», — говорил он, уходя один. Он копал, сканировал, собирал образцы. Дни превращались в недели, недели — в месяцы. Возвращался уставший, но глаза горели. «Ещё немного, — говорил он. — Следы ведут глубже».

Наконец, после трёх месяцев изнурительных поисков, Артём нашёл. Минерал — красная пульсирующая жила в скале. Он излучал особую энергию: тёплую, но тревожную, как дыхание в темноте. Артём спрятал его втайне от команды в двух особо защищённых контейнерах, заранее взятых с Земли. «Для безопасности», — подумал он, чувствуя, как энергия минерала проникает сквозь перчатки, вызывая мурашки по коже. Никто не знал. Никто не должен был знать.

Марина начала изучать данные на базе Птолемея, оставленные её мужем. Сопоставила их с данными о Космическом Вихре из полёта — непонятными энергетическими всплесками, повлиявшими на корабль. Часы за компьютером, графики, модели. И правда раскрылась. Ужасающая.

Она собрала команду. Голос дрожал от усталости и страха:

— Это не случайность. Вихрь погубил Марс. Он цикличен. И сейчас он летит к нашей планете. Убивает всё живое. По моим расчётам — через три года.

Тишина. Ужас.

Дмитрий опустил голову, голос тихий и горький:

— Три года... Это конец. Мы здесь, чтобы понять, почему Марс умер, а теперь узнали, что Земля следующая. И даже сообщить некому...

Марина покачала головой, слёзы блеснули в глазах:

— Мы должны найти способ. Если мы поймём механизм... если найдём причину... мы сможем предупредить Землю. Но связи нет. Мы должны вернуться. Любой ценой.

Артём молчал. Его тайна жгла карман. Он знал: ответ — в минерале, который он спрятал. Но говорить об этом было нельзя.

Александр встал. Голос твёрд, но внутри всё кричало от отчаяния и вины:

— Три года — это время. Мы вернёмся. С данными. С пониманием. И найдём способ. Или умрём, пытаясь.

За иллюминатором пыль шептала. Вихрь приближался.

Глава 6. Груз молчания

Марс, корабль «Кеплер»

Тишина после Вихря была не пустотой. Она была живой, злой субстанцией, заполнившей каждый уголок «Кеплера». Это было не отсутствие звука, а его изнанка — плотное давящее шипение, в котором тонули попытки мысли. Радиоприёмники, даже выключенные, фантомно шептали на языках сгоревших процессоров. Они не просто потеряли связь с Землёй. Они стали свидетелями её агонии, и этот последний искажённый хрип эфира вьелся в подкорку, вызывая к древнему животному страху: остаться одному во Вселенной.

Для совета они спустились в трюм, в самое нутро корабля. Александр выключил штатный свет — жестом, полным мрачного символизма. Теперь их освещали лишь кроваво-красные аварийные лампы, бросавшие на стены извивающиеся тени, будто в утробе металлического левиафана зажгли погребальные костры. Воздух пах озоном, пылью и страхом — густым, липким, как пот на ладонях.

Александр встал перед ними. В этом аду его лицо казалось вырезанным из базальта — непроницаемым, покрытым трещинами усталости. Он смотрел на команду: на Дмитрия, сгорбившегося, как старый волк; на Марину, чьи глаза горели холодным огнём; на Артёма, чья улыбка казалась приклеенной. Внутри Александра всё кипело — вина за Луну, страх за этих людей, отчаяние от того, что он снова ведёт их в пропасть.

— Тридцать семь процентов, — его голос был низким, как скрежет камня о камень. Он не смотрел на них, а сквозь них — на холодные цифры в своём сознании. — Это не топливо. Это приговор. Хватит, чтобы медленно, мучительно умирать по дороге домой. Восемнадцать месяцев в консервной банке, на грани. Без связи. Без надежды. Мы станем призраками, которые даже не смогут позвать на помощь.

Он щёлкнул по планшету. На ржавой стене за его спиной, прямо между предупреждающими надписями «Опасно! Вакуум!», вспыхнула навигационная карта. Алмазно-яркой, соблазнительно короткой линией горел путь до Фобоса.

— А есть «Скиф», — голос Александра приобрёл металлическую остроту. Он поднял взгляд, и в глазах вспыхнул последний отчаянный огонь. — Автономная станция на Фобосе. Не просто маяк. Кричальня. Её антенны — тарелки размером с дом, вгрызшиеся в реголит. Передатчики питаются от ядерного реактора, которому плевать на солнечные бури. Они могут пробить что угодно. — Он обвёл взглядом команду. — Мы долетим. Пристыкуемся. И мы заорём. Выплюнем в эфир всё: координаты Вихря, его частоты, наши логи, наши догадки, наш предсмертный хрип. Превратим наш провал в сигнал тревоги, который услышат на всех постах — от Пояса астероидов до лун Юпитера. Мы дадим им шанс подготовиться. Шанс... может быть, даже найти противоядие.

Он сделал паузу.

— Но «Скиф» — тупик. У него нет топлива для нас. Только антенны и батареи. Это прыжок в одну сторону. Мы станем этим сигналом. Призраком в эфире, который будет кричать, пока не сдохнет реактор. Это не выбор маршрута. Это выбор того, каким будет наше эхо.

Тишина в трюме стала густой, как сироп. Её разорвал не крик, а скрежет — Артём резко вскочил, его стул с грохотом отлетел в темноту.

— Самоубийство! — его голос, обычно ровный, учёный, сорвался на визгливую, почти истеричную ноту. В глазах, мечущихся по лицам товарищей, горел не страх за человечество. Холодный, личный ужас провала. — Мои образцы... — он почти задохнулся, лоя ртом липкий воздух. — Минерал «Кровавая Роса»... это не просто образец! Это прорыв, который «Крона»...

который наука ждала десятилетиями! Мы обязаны его доставить! Его ценность выше любого предупреждения!

Слово «Крона», сорвавшееся с его языка, повисло в воздухе ядовитым намёком. Но все были слишком напряжены, чтобы заметить эту оговорку. Все, кроме Марины. Она не двинулась с места. Сидела застывшая, как соляной столп. Красный свет лизал её щёки, но не мог растопить лёд в её взгляде. Когда она заговорила, голос её был тише шелеста песка по обшивке, но каждое слово падало, как капля жидкого азота.

— «Кровавая Роса», — повторила она, и это звучало как приговор. — Из шахты «Дедал». В Долине Маринер.

Она не сказала больше. Ей не нужно было. Взгляд, который она устремила на Артёма, был не вопросом, а вскрытием. Он видел в её глазах не просто подозрение. Он видел узнавание — той же тени, того же почерка, что стоял за гибелью «Птолемея», за смертью её мужа. В её молчании звучал вопрос: «Ты один из них?»

В эту наэлектризованную паузу, не вставая с места, встрял Дмитрий. Он сидел, сгорбившись, и чистил ногти обшивкой кресла — монотонное, нервное движение.

— Кричальня, — выдохнул он, наконец подняв глаза. В них не было страха, только усталая решимость. — Я голосую за это. За то, чтобы наш конец был не тихим сном в анабиозе, а рёвом. Пусть этот Вихрь знает: мы не просто сдохли. Мы успели напакостить. Фобос.

Марина медленно кивнула. Её кивок был похож на движение гильотины. Голосование было формальностью. Три против одного. Воздух не облегчился, а сгустился, наполнившись горечью предательства, которое ещё не случилось, но уже витало между ними, как запах озона перед грозой.

Разгрузка походила на расчленение живого существа. «Кеплер» стонал и скрипел, теряя части самого себя. Артём работал молча, с лицом маски, но внутри его разум лихорадочно прокручивал инструкции, данные ему в кабинете с гербом «Кроны». «Образец «Роса» — приоритет номер один. Выше миссии. Выше экипажа. Его необходимо доставить любой ценой».

Его «любая цена» оказалась хитростью. Пока другие выносили в шлюз ящики с продовольствием и личными вещами, он, используя знание слепых зон в вентиляции, протащил один компактный титановый контейнер в спасательную капсулу «Одиссей». Внутри, на амортизирующей пене, лежал марсианский минерал — Кровавая Роса. При свете аварийной лампы он не сиял. Кристаллы пульсировали глухим багровым свечением, будто в них бились крошечные больные сердца. Прикосновение к контейнеру отзывалось в костях странной вибрацией — не звуком, а ощущением, будто пространство вокруг болело.

Артём не был учёным-фанатиком. Он был солдатом корпоративной войны. И Кровавая Роса была для него не ключом к энергии, а оружием — прототипом, чью природу «Крона» лишь смутно понимала, но отчаянно хотела заполучить. Артём верил, что везёт не минерал, а будущий щит или меч своей корпорации. Он не знал, что везёт заразу. Что эти кристаллы — не артефакт, а симптом, материальный шрам от встречи реальности с Вихрем. Их излучение было болезнью для законов физики, и он только что имплантировал эту болезнь в сердце их последнего корабля.

Старт был не полётом, а конвульсией. В момент зажигания «Кеплер» не рванул вперёд, а захромал. Системы навигации, словно ослепшие, замерли, затем выдали абсурдные данные. Гироскопы кричали о крене, которого не было. А двигатели, чья тяга должна была быть яростным чистым потоком, искривились. Они не толкали корабль — они сплёвывали его в сторону, будто сама реальность отторгала груз Росы.

На мостике воцарился ад из мигающих алых ламп и пронзительных визгов сирен.

— Сносит! — рёв Дмитрия потонул в грохоте. Он вцепился в штурвал, пытаясь силой воли выправить пьяный танец корабля. — Двигатели врут! Показания... они бредовые! Это не поломка, это... кошмар!

Александр, пристёгнутый в кресле, не отрывал взгляда от главного экрана. Там, где должна была быть прямая линия к спасению, зияла рана графика — уродливая петля, затягивающая их обратно к Марсу. Не к Фобосу. К низкой мусорной орбите, куда свозят отслужившие спутники, чтобы они вечно кружили над мёртвой планетой.

Гул двигателей стих. Не плавно — с надрывным предсмертным хрипом. Наступила настоящая тишина. Тишина ледяного вакуума, в которой было слышно, как стучит кровь в висках. «Кеплер», беспомощный, с разбитой волей, начал медленное нелепое вращение. В иллюминаторе поплыла бескрайняя ржавая пустыня — их вечная тюрьма. А где-то в стороне, холодной и недостижимой звездой, висел Фобос и его «Кричальня» — станция «Скиф», которая теперь навсегда останется немой для них.

— Орбита захоронения, — голос Дмитрия был пустым, как пространство за иллюминатором. — Мы только что похоронили себя сами. И свой последний крик.

Александр не ответил сразу. Он медленно отстегнул ремни и подошёл к главному терминалу. Пальцы дрожали, когда он ввёл запрос ИИ: «Текущая масса корабля с учётом экипажа и груза. Сравнить с данными перед стартом». Экран мигнул. Цифра появилась почти мгновенно. +11 кг.

Его дыхание стало тяжёлым, прерывистым. Он повернулся к Артёму. В глазах не было гнева. Только холодная, беспощадная ясность.

— Одиннадцать килограмм, — произнёс он тихо, но каждое слово падало, как камень в воду. — После аварии. После того, как ты принёс свои «образцы». Ты добавил на борт одиннадцать килограмм. Без разрешения. Без записи в журнале. И именно после этого двигатели начали умирать. Не от Вихря. От твоего груза.

Артём побледнел. Губы задрожали. Он хотел сказать что-то — оправдаться, солгать, крикнуть, — но слова застряли в горле. Он знал. Его тайный груз — контейнер с Кровавой Росой — стал причиной. Не Вихрь. Не поломка. Энергия минерала, та самая багровая пульсация, проникла в системы корабля, исказила их, отравила, как яд в крови. Она не просто повредила двигатели. Она заставила их отвергнуть реальность, в которой был этот груз. Она заставила корабль умереть.

Марина смотрела на него. Её взгляд был не гневом. Холодная, безжалостная ясность. Она видела в нём не человека, а инструмент. Инструмент, который только что убил их всех.

Дмитрий тихо, почти шёпотом, сказал:

— Ты... ты принёс это на борт. Ты принёс смерть.

— Я думал... думал, это спасение, — прошептал Артём. — «Крона» сказала... это ключ. Это щит. Я не знал... не знал, что оно... что оно живое.

Александр не ответил. Он просто смотрел на него. В этом взгляде не было ненависти. Только усталость — человека, который снова увидел, как доверие превращается в могилу.

Корабль медленно вращался. В иллюминаторе Марс кружился, как мёртвое солнце. А в темноте капсулы «Одиссей» багровые кристаллы слабо светились, будто довольно улыбаясь. Груз молчания был принят. Ложный курс стал приговором. А в тишине начинала тикать новая бомба — бомба безумия, которое они сами принесли на борт.

Глава 7. Парус из золота

Марс. Низкая орбита, корабль «Кеплер»

Тишина на «Кеплере» была нового сорта — тяжёлая, примирившаяся, как вата в ушах приговорённого. Они болтались на своей мусорной орбите, и единственным развлечением стало пари: что появится в иллюминаторе раньше — очередной сгоревший спутник-зомби или нервный срыв у кого-нибудь из экипажа.

Александр провёл последние двое суток в тесном братстве с диагностическим интерфейсом, и теперь от него пахло перегоревшим процессором и запредельной концентрацией. Он

вошёл в кают-компанию, где Дмитрий как раз раздавал «последний ужин» — тубики с надписью «Завтрак астронавта №3», которые все ненавидели.

— Сюрприз! — веселился Дмитрий, но в голосе уже не было прежней искры. — Не знаешь, что внутри, пока не выдавишь. Как в нашей жизни.

— Поломки нет, — голос Александра прозвучал резко, перебивая мрачное веселье, похоже на скрежет металла. — Двигатели отработали штатно. Но физика в момент толчка... забастовала. Представьте, что вы отталкиваетесь от стены, а она вдруг становится ватной и проваливается. Данные с датчиков были верные. Просто на секунду реальность в районе сопла сломалась.

Он повернулся, и его взгляд, налитый бессонницей и холодной целенаправленной яростью, нашёл Артёма.

— Говори всю правду о грузе.

Артём не стал юлить. Его лицо выражало не раскаяние, а досаду курьера, сорвавшего сроки. Он был не учёным, а агентом, и его подвели.

— «Кровавая Роса». Образец класса «Омега». Приоритетный груз «Кроны». Мне сказали — стабилен. Солгали. Он... взаимодействует с фундаментальными полями. Создаёт пространственные аномалии. Помехи.

Слово «Крона» ударило по Марине, как приклад по голове. Она сидела, закутавшись в старый плед с вышитой маленькой Землёй — подарок мужа. Её пальцы разжались, и плед сполз на пол бесшумным облаком.

— «Крона», — её голос был едва слышен, но в нём звенела такая боль, что Дмитрий мгновенно замолчал. — Шахта «Дедал». Это был их проект. Они нашли Росу первыми. Мой муж... он расследовал аварию там. Внезапный выброс... чего-то. Не газа. Не радиации. Чего-то, что свело с ума сначала оборудование, а потом и людей. — Она подняла на Артёма глаза, и в них не было слёз, только ледяная кристальная ясность. — Не было аварии. Было пробуждение. Они это скрыли. А их смерть от полученной дозы радиации лишь помогла ликвидировать свидетелей. Ты везёшь не образец. Ты везёшь причину его смерти.

Вопрос «что делать» повис в воздухе — густой, сладковатый от запаха переработанного воздуха. Ответ был очевиден: тихо сойти с ума, ожидая конца. Дмитрий, чтобы заглушить тишину, запустил на планшете старую запись футбольного матча. Гул трибун звучал жутковато в металлической гробнице. Артём отломил кусок пластичного хлеба и жевал, глядя в одну точку, будто разглядывал там свои карьерные перспективы, которые теперь равнялись нулю.

И тогда корабль вздрогнул.

Сначала — лёгкая, почти ласковая дрожь в полу, заставившая подпрыгнуть тубик с «Завтраком астронавта №3». Потом — удар. Глухой, мощный, будто по корпусу ударили кувалдой размером с астероид. Свет погас, погрузив всё в абсолютную давящую черноту, разорванную воем сирен и треском разрывающихся предохранителей. В нос ударил едкий запах палёной изоляции.

— А вот и наш будильник! — раздался в темноте голос Дмитрия, пытающийся звучать бодро, но уже срывающийся. — Проспали бы ещё чуток!

Когда кровавый свет аварийных ламп замигал, выхватывая из мрака перекошенные лица, Александр не метнулся к панели. Он стоял, опёршись о стол, и в его глазах, отражавших алое мигание, пронеслась буря. И вдруг — озарение. Не рациональное. Гениальное в своём безумии. Обрывки знаний: искажённый вектор, ударная волна, пыльный учебник по истории космонавтики, солнечный парус... Нет. Парус для ловли апокалипсиса.

— Парус, — выдохнул он.

— Капитан, у нас запас носков ограничен, — не замедлил парировать Дмитрий, отплываваясь от пыли, но в его глазах вспыхнула искра — первая за многие дни.

— Из «Золотой кожи», — сказал Александр, и в его голосе зазвучала сталь.

«Золотая кожа» — их с Дмитрием прозвище для рулонов сверхпрочного композитного полотна с вплетёнными фотоэлементами. Эту блестящую ткань раскатывали на орбите, как фольгу для барбекю, чтобы ловить солнечные лучи для подзарядки.

— Этот Вихрь — не просто волна разрушения. Это волна энергии. Она искажает всё, но она же и движет. Мы не можем от неё убежать. Но мы можем подставить ей борт. Поймать, как парус ветер. Пусть вышвырнет нас отсюда к чёртовой матери!

Дмитрий замер. Потом медленно, очень медленно, почесал щетину на щеке. На его лице расплзлась та самая, знакомая всем, безумная ухмылка азартного игрока, поставившего на кон последнее.

— Капитан, — с почтительным восторгом произнёс он. — Это бред. Это гениально. Я — в доле. Если уж помирать, то с кайфом и под крики «полный вперёд!».

Работа закипела с похабным энтузиазмом отчаяния. «Золотую кожу» было чертовски тяжело таскать — рулоны хранились в неудобном внешнем отсеке. Дмитрий, облачаясь в скафандр, клоунадничал:

— Артём, брат, давай-ка поддержи конец, а то я тут как Золушка на бал собралась — тыква, правда, немного ржавая.

Работали на износ, сквозь усталость, сквозь страх, сплачиваясь вокруг безумной идеи. Марина, поборов оцепенение, с холодной яростью взялась за расчёты углов атаки и точек крепления. Даже Артём, под неотрывным взглядом Александра, молча таскал балки — его лицо было каменной маской.

Кульминация наступила при креплении центрального узла. Дмитрий, висая над бездной в открытом космосе, напевал похабный шансон про марсианок, чтобы заглушить страх. Он закреплял последнюю балку, когда крепление, подточенное невидимым излучением Росы, лопнуло с сухим зловещим щелчком. Балка отлетела, трос, который должен был удерживать, натянулся, как струна, и тут же лопнул с треском выстрела.

Дмитрий закричал — коротко, по-звериному — и полетел в открытую бездну. Тело закрутило, скафандр мгновенно покрылся инеем, лицо посинело от декомпрессии, глаза закатились.

Александр, стоявший в открытом шлюзе (он уже был в скафандре, готовый страховать), среагировал мгновенно. Он рванулся к краю, выбросив руку с аварийным фалом. Трос вылетел, как змея, и Дмитрий последним рывком зацепил карабин за пояс скафандра. Александр вцепился в лебёдку обеими руками, мышцы на пределе, вены на шее вздулись, как канаты. Он тянул, рыча сквозь зубы:

— Держись... держись, пожалуйста... не умирай...

Дмитрий болтался в пустоте, как тряпичная кукла. Тело уже начало вздуваться от внутреннего давления, кожа посинела, кровь кипела в венах. Александр тянул, чувствуя, как рвутся сухожилия, как хрустят позвонки. Кровь из носа хлынула внутрь шлема — горячая, солёная, заливая глаза, мешая видеть. Он моргнул, пытаясь прогнать красную пелену, но она только размазывалась по визору. Он кричал — не словами, а просто звуком ярости и любви:

— Не смей! Не смей умирать, слышишь?!

Марина, уже в скафандре, бросилась к нему, схватила за пояс, добавляя свой вес. Её лицо было мокрым от слёз, но она тянула, шепча:

— Не бросай нас... не бросай...

Артём стоял, как парализованный, но потом рванулся и вцепился в лебёдку тоже. Втроём они тянули. Трос скрипел, лебёдка визжала, Дмитрий медленно, мучительно приближался к шлюзу.

Наконец тело ударилось о порог. Александр схватил его за плечи, втащил внутрь, захлопнул внешний люк. Внутренний открылся с шипением. Дмитрий рухнул на пол, как мешок. Лицо синее, губы фиолетовые, глаза закатились. Александр сорвал шлем, чтобы дышать сво-

боднее, и кровь из носа хлынула на панель лебёдки, оставляя тёмные капли на металле. Он давил на грудь Дмитрия, хрипя:

— Дыши! Дыши, пожалуйста!

Дмитрий кашлянул — раз, два, — и начал хватать воздух ртом. Он был жив. Еле жив, но жив.

Александр откинулся назад, прислонился к стене, тяжело дыша. Кровь из носа текла по подбородку. Он посмотрел на Дмитрия, потом на Марину, потом на Артёма.

— Ещё раз такое сделаешь — я тебя сам выкину в космос. Без троса, — тихо, почти шёпотом сказал он.

Дмитрий, лёжа на полу, прохрипел:

— Зато... куплет... допел...

И засмеялся. Слабым, надрывным смехом. Смех перешёл в кашель, кашель — в слёзы. Они все засмеялись — нервно, истерично, на грани безумия. Потому что смех был единственным, что ещё осталось живым.

Их парус был чудовищно прекрасен: огромное, сияющее в отсветах звёзд полотнище, принайтовленное к корпусу «Кеплера» так, что корабль стал похож на раненого, но гордого ската с одним сверкающим крылом.

Когда пришёл следующий импульс, они затаили дыхание. И — о чудо! — «Кеплер» не дёрнулся. Его понесло. Плавно, мощно, с нарастающим победным гулом в силовых элементах. Датчики, прежде показывавшие медленное падение, взвизгнули от удивления, выстреливая цифрами нарастающей скорости.

Они стали ловить волну. Каждый новый импульс Вихря, эта космическая чума, теперь гнал их прочь от Марса. Александр и Дмитрий, превратившиеся в единый измождённый, но ликующий механизм, рассчитывали манёвры, подставляя свой «золотой бок» под удары стихии. Это был не полёт, а экстремальный серфинг на гребне конца света.

После одной особенно яростной волны, поймав которую «Кеплер» рванул вперёд с такой силой, что закрипели все соединения, Дмитрий, вбив новые данные в компьютер, застыл. Потом рассмеялся — смехом, в котором была и усталость, и дикое первобытное торжество.

— Капитан... вы только не увольте. Новые цифры. Мы не за восемнадцать месяцев. Мы за семь долетим. Если, конечно, наша «золотая простыня» не разлетится на клочки, а этот космический тайфун не решит, что мы ему надоели.

Семь месяцев. Не мучительная агония в стальной банке. Семь месяцев бешеной смертельной гонки на самодельном парусе, подгоняемые дыханием вселенской катастрофы. Это был не просто шанс. Это была победа, вырванная зубами, потом, чёрным юмором и старым рулоном блестящей ткани.

«Кеплер», уродливый и величественный в своём лоскутном одеянии, нёсся прочь от красной планеты. Он был уже не кораблём, а символом того, что даже в предсмертном хрипе можно найти ритм, чтобы сплясать. А в его трюме, в титановых контейнерах, пульсировала Кровавая Роса — немой свидетель, причина их падения и невольный союзник в безумном побеге.

Глава 8. Дорога домой

Космос. Корабль «Кеплер» (путь обратно)

Первые недели были похожи на жизнь внутри барабана гигантской стиральной машины, включённой на режим «космический апокалипсис». «Кеплер» летел, подгоняемый импульсами Вихря, и каждый толчок был непредсказуем. То плавный мощный накат — от которого в жилах стыла кровь от восторга и ужаса, корабль ускорялся так, что гравитация давила на грудь, а в иллюминаторах звёзды сливались в полосы. То резкий короткий удар — бросавший всех на пол и заставлявший сирены выть от перегрузки, будто сам космос пытался стряхнуть их с

хвоста. Запах перегоревшей проводки смешивался с потом и страхом, а вибрация проникала в кости, заставляя зубы стучать в ритме безумного танго.

Дмитрий, как всегда, пытался превратить ужас в игру.

— Держись, Маришка, щас рванёт! — кричал он по интеркому перед каждым импульсом, голос эхом отдавался в отсеках. Он даже завёл счётчик: — Толчок номер сорок семь! Этот был на восемь баллов по шкале Дмитрия — лёгкий, как поцелуй марсианки!

Марина, сидя в лаборатории, сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони. Каждый толчок напоминал ей о муже — о его последнем сообщении с Птолемея: «Это не конец... это начало». Она чувствовала, как Вихрь дышит в спину, и внутри росла не страх, а ярость — холодная, как антарктический лёд. «Мы вернёмся, — шептала она себе. — И ты, гад, заплатишь за всё».

Жизнь на борту вошла в новое, сюрреалистичное русло. График дежурств теперь зависел не от звёзд, а от ритма бури — импульсы приходили хаотично, как капризы пьяного бога. Александр и Дмитрий, ставшие неразлучными сиамскими близнецами у штурвала, разработали целый язык жестов и условных фраз для манёвров с парусом. «Золотая кожа» трепалась и гудела, как струна, сверкая на фоне вечной ночи, и каждый раз, когда она ловила волну, корабль стонал от радости и боли.

Марина нашла своё спасение в мелочах. Объявила войну однообразию питания, устроив «кулинарный бунт». Из остатков концентратов, одобренных шепоткой специй из её личного запаса — крошечные баночки с тмином и паприкой, которые она берегла для особого случая, а случай был теперь самый что ни на есть особый, — она умудрялась готовить «сюрпризы».

— Сегодня у нас, — объявляла она с ледяной торжественностью, покалывая вилкой серую массу в миске, — рагу «Потерянная надежда» с нотами отчаяния и намёком на тмин.

Дмитрий уплетал за обе щеки, причмокивая:

— Шеф, это ваш лучший шедевр после вчерашних макарон «Предсмертная агония»! Ещё добавки, а то помру голодным!

Марина улыбалась уголком рта, но в глазах её была грусть. «Это всё, что я могу, — думала она. — Держать их в тонусе. Не дать сломаться».

Артём стал призраком корабля. Он выполнял свою работу — следил за системами жизнеобеспечения, чистил фильтры — молча, механически, избегая встреч с остальными. Но все чувствовали его присутствие, как чувствуют не выключенный свет в соседней комнате. Его вина висела в воздухе гуще, чем запах рециклированного воздуха. Лишь иногда, когда «Кеплер» ловил особенно красивую долгую волну и корабль на мгновение летел плавно, как на крыльях, Артём замирал у иллюминатора, глядя на удаляющиеся звёзды. В его глазах на секунду вспыхивало нечто похожее на тоску, но он тут же гасил её, отворачиваясь. «Я сделал, что должен, — думал он. — «Крона» получит Росу. И это изменит всё». Но в глубине души росло сомнение — как гнилой плод.

Главной проблемой, помимо постоянной угрозы быть разорванными очередным импульсом, стало однообразие. Однообразие маршрута — чёрная пустота, однообразие звуков — гудение систем, скрип обшивки, и однообразие мыслей — вернёмся ли? что найдём? Чтобы не сойти с ума, Дмитрий затеял «Клуб любителей страшных историй». По вечерам, точнее, по условным «вечерам» корабельного времени, они собирались в кают-компанию. Дмитрий рассказывал дурацкие байки про «призрака космодрома Байконур», Марина — леденящие душу научные факты о глубинах океана, где царит вечный мрак. Александр однажды, после долгого молчания, рассказал историю про своего деда-лётчика, который в тумане над тайгой видел то ли НЛО, то ли мираж, то ли свою смерть — и вернулся другим человеком. Все слушали, затаив дыхание, понимая, что это не просто история.

— А ты, Артём? — спросил как-то Дмитрий, подмигивая. — У тебя-то наверняка есть скелет в шкафу. Расскажи, не томи.

Артём покачал головой, голос его был тихим, как шелест:

— У меня нет историй. Только факты. А факты страшнее любых сказок.

Все замолчали. В его словах была правда, которая жгла.

Именно во время одного такого «вечера» случился инцидент.

Импульс пришёл неожиданно, не по нарастающей, а сразу — яростный, сокрушительный удар. «Кеплер» рвануло в сторону, как щепку. С треском сорвало крепление одной из растяжек паруса. Корабль начало нести в беспорядочном вращении. Сирены взвыли в унисон с криком Дмитрия:

— Отстрел! Левый край отходит!

Александр и Дмитрий бросились к постам. Марина вцепилась в кресло, лицо побелело. Артём вскочил, но замер в нерешительности, глядя на мелькающие за иллюминатором звёзды.

— Артём! — рявкнул Александр, не отрываясь от экрана. — Шлюз три! Запасной трос из ниши! Быстро!

Это был приказ. Чёткий, ясный, не оставляющий места рефлексии. И что-то в Артёме, дремавшее под слоем корпоративного программирования и чувства вины, щёлкнуло. Он не был пассажиром. Он был членом экипажа. Пусть предателем, но сейчас его корабль, его единственный шанс на выживание, разваливался на части.

Он рванул с места, как спринтер. В шлюзе, трясясь от вибраций, с трудом отдраил нишу, вытащил тяжёлый рулон аварийного троса. Руки действовали на автомате — годы тренировок взяли верх. Вернувшись на мостик, он, не дожидаясь команд, начал подавать трос Дмитрию, который уже облачался в скафандр.

— Держи! — крикнул Дмитрий, его голос в скафандре звучал приглушённо. — И не отпускай, а то я там как листик уплыву!

Вместе, в диком отчаянном танце под рёв аварийных сигналов и скрежет металла, они стабилизировали корабль. Дмитрий, выйдя наружу, под свист разорванной атмосферы и в полной темноте (фонарь отказал), на ощупь, с похабными ругательствами, которые даже через ком звучали как молитва, закрепил оторвавшийся край. Когда он вернулся, скафандр был покрыт инеем, а сам он трясясь от холода и адреналина.

— Всё, — хрипел он, снимая шлем. — Пришил. На живую нитку, но держится. Наш парус ещё повоюет.

После этого что-то сдвинулось. Не простились. Не стали друзьями. Но ледяная стена между Артёмом и остальными дала трещину. За ужином (Марина назвала его «Рагу «Обрётённый шанс» с подливой из пота») Дмитрий кивнул Артёму:

— Спасибо, братан. Руки, я смотрю, не из задницы растут.

Артём лишь кивнул в ответ, но это был уже не отстранённый кивок, а кивок человека, который остался.

Дорога домой продолжалась. Несмотря на все трудности, их безумный план работал. С каждым пойманным импульсом «Кеплер» набирал скорость. Расчёты Дмитрия, которые он теперь проверял вместе с Мариной, превратились в священный ритуал надежды.

— И что там, наш личный хронометрист? — спрашивал Александр, подходя к их столу, заваленному планшетами.

— Летим, капитан, летим! — Дмитрий тыкал пальцем в график. — Если этот Вихрь не сдуется, как шарик, то к концу следующего месяца мы выйдем на расчётную. Семь месяцев, я не шутил. Мы делаем невозможное. Ну, почти.

Они делали невозможное. Летели на самодельном парусе, подгоняемые волнами вселенской катастрофы, с грузом смертоносной тайны в трюме и призраком предательства на борту. Но они летели вместе. И где-то впереди, в той точке чёрного неба, которое уже не казалось таким безнадежным, ждала Земля. Какая — они не знали. Но они неслись к ней с безумной скоростью, вырванной у самой судьбы.

Глава 9. Решение Александра Космос. Корабль «Кеплер»

«Кеплер» летел, как раненая птица, цепляясь за каждый импульс Вихря своим золотым парусом. Четыре месяца превратились в бесконечный день и ночь одновременно — время потеряло смысл, остались только вибрации корпуса, гул систем и дыхание четырёх человек, которые уже не знали, живы они или просто не успели умереть.

Александр стоял у главного иллюминатора в кают-компании. Смотрел на звёзды, которые теперь казались ближе, чем раньше. В его глазах — серо-стальных, как лёд Байконура — отражалась усталость, но и что-то новое: решимость, родившаяся не из надежды, а из отчаяния. Он не спал третьи сутки. Диагностика, расчёты, манёвры — всё это стало ритуалом, который не давал сойти с ума. Но сегодня он пришёл к концу пути — не физическому, а внутреннему.

Он собрал команду. Не в трюме, не в лаборатории. В кают-компании, где они ели, смеялись, спорили и молчали. Где ещё оставалось что-то человеческое.

Свет был приглушённым — только аварийные лампы и слабый отблеск звёзд. Дмитрий сидел, опираясь локтями на стол, лицо серое от усталости, но глаза живые. Марина стояла у стены, скрестив руки на груди, будто защищалась от всего мира. Артём сидел в углу, опустив голову — он уже не прятался, но и не смотрел в глаза.

Александр начал тихо, но каждое слово падало, как камень в воду.

— Мы летим домой. Четыре месяца. Мы поймали волну. Выжили. Но Роса... она всё ещё здесь. В трюме. Пульсирует.

Он сделал паузу, посмотрел на Артёма.

— Ты сказал правду. Она — ключ. «Крона» хочет её, чтобы подчинить Вихрь. Чтобы править им. Или чтобы спастись, когда придёт время. Но я не верю им. Не после Луны. Не после Птолемея. Не после того, как они убили мужа Марины. Не после того, как ты принёс эту дрянь на борт и чуть не погубил нас всех.

Артём поднял голову. Голос хриплый, но в нём не было вызова — только усталость.

— Я думал, это спасение. «Крона» сказала... они знают, как управлять циклом. Как направить Вихрь в сторону. Как защитить Землю.

Марина шагнула вперёд. Голос холодный, как лёд.

— Защитить? Они уничтожают всё, что мешает их власти. Мой муж хотел уничтожить Росу. Потому что понял: она не щит. Она — приманка. Она зовёт Вихрь. Она питает его. Ты вёз не оружие. Ты вёз маяк.

Дмитрий фыркнул, но в его смехе не было веселья.

— Значит, мы тащим на Землю бомбу с таймером? Класс. А я-то думал, мы просто везём сувенир с Марса.

Александр поднял руку. Все замолчали.

— Я думал об этом. Каждую ночь. Каждый раз, когда ловим волну. Каждый раз, когда вижу, как она пульсирует в контейнерах. Мы можем уничтожить её прямо здесь. Выбросить в космос. Сжечь. Но тогда мы никогда не узнаем правду. Не узнаем, способна ли она остановить Вихрь. Не узнаем, есть ли шанс спасти Землю.

Он посмотрел на каждого по очереди.

— Я принимаю решение. Мы не отдадим её «Кроне». Не уничтожим. Мы изучим её. На Земле. В лабораториях, где никто не сможет отобрать её у нас. Где мы сами решим, что с ней делать. Может, она действительно ключ. Может, спасёт нас. А может, убьёт. Но мы узнаем. Мы не будем слепыми пешками. Мы будем теми, кто держит ключ.

Марина долго молчала. Потом кивнула — медленно, но твёрдо.

— Хорошо. Но если «Крона» придёт за ней... мы будем готовы.

Дмитрий хмыкнул.

— Значит, мы теперь не просто экипаж. Мы — хранители. Или самоубийцы. Но я в доле. Как всегда.

Артём смотрел в пол. Руки дрожали.

— Я... я отдам её вам. Я не хочу больше быть их курьером. Но если вы ошибётесь... если Роса окажется хуже, чем мы думаем...

Александр подошёл к нему. Положил руку на плечо. Не дружески. Не с теплом. Но и не с ненавистью.

— Тогда мы умрём вместе. Но умрём, зная правду.

Корабль вздрогнул — очередной импульс. Но на этот раз они не испугались. Улыбнулись — слабо, устало, но по-настоящему.

«Кеплер» летел дальше. С грузом, который мог спасти мир. Или уничтожить его. С экипажем, который уже не был просто командой. Они стали семьёй. Семьёй, которая несла в себе конец света. И надежду.

Последний месяц полёта был похож на медленное выдыхание после долгого изматывающего крика. Ритм импульсов Вихря стал редеть, как сердцебиение уставшего зверя, который уже не гонится, а просто дышит — тяжело, прерывисто, с паузами, в которых слышно, как ломаются кости. Их самодельный парус, изодранный и покрытый космической пылью, теперь чаще безвольно обвисал, чем напрягался под ударами стихии. Полотно «Золотой кожи» трепыхалось лениво, как старый флаг на заброшенном флагштоке, и «Кеплер» летел по инерции, набранной за месяцы безумной гонки. Эта инерция была колоссальной — они неслись к Земле как пуля, выпущенная шесть месяцев назад с марсианского курка. Звёзды за иллюминаторами тянулись в длинные серебристые нити, а корпус корабля вибрировал, как струна, натянутая до предела — ещё чуть-чуть, и лопнет с пронзительным стоном, который никто не услышит.

Настроение на борту стало странным, двойственным, как свет далёкой звезды — то тёплый, манящий, то холодный, отталкивающий. С одной стороны — лихорадочное ожидание, жгущее изнутри. Земля в иллюминаторе была уже не звездой, а сине-белым диском, растущим с каждым днём, как плод на ветке. Александр, стоя перед иллюминатором, прижимался ладонью к холодному стеклу, будто мог почувствовать тепло океанов сквозь вакуум.

Марина, сидя в углу, смотрела на этот диск часами, не моргая. В её глазах — серых, как штормовое небо — отражалась не радость, а боль. Она думала о муже, о его смерти. «Мы вернёмся, — шептала она себе. — И ты будешь отомщён. Я расскажу всё». Но в глубине души рос страх: а что, если Земля уже не та? Что, если она стала такой же, как Марс — красной, мёртвой, пустой?

Артём замирал, глядя на неё, и в его глазах, обычно холодных, как расчёт, мелькала невысказанная тоска. Он стоял в тени, избегая разговоров, но иногда, когда все спали, подходил к иллюминатору и шептал: «Дом... но какой ценой?» Роса в контейнере пульсировала — он чувствовал это, как биение чужого сердца. «Что, если это ошибка? — думал он, просыпаясь от кошмаров, где Роса разрасталась по кораблю, как раковая опухоль. — Что, если «Крона» права и она — спасение? Или если Марина права и она — конец?»

Дмитрий смог сотворить чудо — починил связь на корабле. Латаемая на коленке антенна, подпитанная от аварийных батарей. И они стали кричать. Сначала на общие частоты.

— Земля, это «Кеплер»! Мы возвращаемся! Повторяю, мы возвращаемся! — кричал Дмитрий, голос срывался от волнения и надежды.

Потом на аварийные.

— ЦУП, это Гор! Приём! Данные о Вихре! Повторяю, данные о Вихре! — голос Александра был твёрдым, но в глазах — отчаяние.

Ответом было молчание. Глухое, абсолютное, всепоглощающее. Ни позывных ЦУПа, ни болтовни спутников, ни даже помех. Эфир был мёртв.

— Может, антенна всё-таки не та? — спрашивал Дмитрий, стуча кулаком по панели связи, голос дрожал от раздражения и страха. — Или мы в какой-то мёртвой зоне? Может, просто сигнал не проходит?

— Все антенны в норме, — монотонно отвечала Марина, не отрываясь от мониторов. Её лицо было бледным, как лунный свет. — Мы излучаем. Просто... никто не отвечает. Как будто там... никого нет.

Голос сорвался на последнем слове, и она отвернулась, чтобы никто не увидел, как дрожат губы.

Эта тишина была страшнее любого сигнала бедствия. Она говорила о чём-то непоправимом. Александр лежал в койке, глядя в потолок, и думал: «Что, если мы возвращаемся в пустоту? Что, если Вихрь уже там? Что, если Земля... уже не Земля?» Он сжимал кулаки так, что ногти впивались в ладони, но боль не помогала. Страх был сильнее.

И тут, наконец, эфир взорвался. Но не тем, чего они ждали.

На экране связи, искажённая помехами, возникла не эмблема ЦУПа или Объединённой Земли. Вспыхнул жёсткий угловатый логотип — стилизованный титановый зубчатый круг. «Крона». Из динамиков послышался хриплый, лишённый всяких эмоций голос.

— Транспорт «Кеплер», это база «Кронос-Альфа» на обратной стороне Луны. Зафиксировали ваш аварийный сигнал. Докладывайте статус груза. Кодовое название «Кровавая Роса». Повторяю, докладывайте статус груза. Особое внимание — агенту Лазареву.

Все замерли. Александр посмотрел на Артёма. Тот стоял, будто вкопанный, лицо — маска, но по тонкому шраму на скуле пульсировала жилка. Старый приказ, долг корпоративного солдата, столкнулся в нём с чем-то новым — с долгом перед теми, кто его, предателя, всё же спас. С людьми, с которыми он делил консервы и страх все эти месяцы.

— Груз... — начал Артём, голос сорвался. Он посмотрел на Марину — та смотрела на него не с ненавистью, а с ледяным безжалостным ожиданием приговора. На Дмитрия, который молча покачал головой, будто говоря: «Не надо, братан. Кончай с этим». На Александра, чей взгляд был твёрд и ясен, как у человека, уже принявшего самое трудное решение. — Груз... представляет непосредственную экзистенциальную угрозу. Он активен и неконтролируем. Мы...

— Молчать, Лазарев! — голос с Луны стал резким, металлическим, в нём зазвучала угроза. — Обеспечьте сохранность и доставку груза по координатам. Любой ценой. Это приказ. «Кеплер», подтвердите получение координат.

Александр шагнул вперёд. Голос спокойный, твёрдый, как сталь.

— «Кронос-Альфа», это капитан «Кеплера» Александр Гор. Наш корабль потерпел катастрофу из-за нераскрытых свойств вашего груза. Мы потеряли миссию, едва не потеряли жизни. Наш приоритет номер один — безопасность Земли и экипажа. Груз признан нестабильным, неконтролируемым. Мы не следуем вашим координатам. Мы входим в атмосферу. Все данные о грузе, о событиях на шахте «Дедал», о гибели людей и о ваших незаконных приказах будут переданы в открытый архив и разосланы по всем сохранившимся частотам в момент нашего входа в атмосферу. Попытка перехвата будет расценена как акт агрессии. Конец связи.

Дмитрий первый нарушил молчание. Он медленно, с театральным пафосом, начал хлопать.

— Bravo, капитан. Bravo! Сказал как отрезал. Теперь мы официально — пираты, диссиденты и враги корпорации номер один. Весело жить будем!

Марина смотрела на Александра, и в её глазах стояли слёзы. Не от горя. От облегчения. От благодарности. Он сделал то, что не смог сделать её муж — сказал «Кроне» «нет» во всеуслышание.

Артём открыл глаза. Он смотрел на Александра, и в его взгляде была буря: шок, страх, неверие и странное, щемящее освобождение. Капитан только что подписал себе и всем им смертный приговор от «Кроны». Но он же и вырвал у Артёма крюк из груди. Теперь его выбор был прост: плыть вместе с ними на дно или помочь им выплыть. Он молча кивнул Александру — кивок солдата, принявшего нового командира.

«Кеплер», обгоревший и израненный, но непокорённый, развернулся носом к голубому шару. Где-то в его недрах пела своё леденящее пение Кровавая Роса. А на мостике четверо людей — капитан, шут, вдова и корпоративный солдат, ставшие за это путешествие экипажем, — готовились к последнему, самому опасному прыжку.

Глава 10. Падение и выживание

Земля. Вход в атмосферу, Антарктида

Земля встречала их не молчанием, а рёвом.

«Кеплер» входил в атмосферу не кораблём, а окровавленным метеоритом. Чёрные жгуты гравитационных шрамов — «языки» Вихря — хлестали по корпусу, выворачивая наизнанку законы физики. Обшивка стонала, как живое существо, которое рвет на части. В кабине пахло гарью, страхом и озоном — едким, металлическим, как вкус крови во рту. За иллюминатором плясало пламя, но сквозь него уже проступало безумное, неестественное сияние. Не северное сияние — что-то иное, разорванное, как шкура реальности, мерцающее ядовито-зелёными и багровыми всполохами. Это было не небо Земли. Это было небо, которое забыло, как быть добрым.

— Стабилизаторы целуют нас на прощание! — прохрипел Дмитрий, и в его голосе, сквозь привычный балагурский тон, пробивалась стальная жила усталости. — Видимо, Земля решила, что три года без нас — это счастье, и теперь не хочет делиться! Готовьтесь к жарким объятиям, товарищи! Без поцелуев!

Александр Гор молчал, вжимаясь в кресло. Каждый мускул был тросом, каждое движение штурвала — борьбой с невидимым исполином. Он не думал о прошлом. Не думал о Кате, о Птолемею, о Луне. Только о том, чтобы удержать корабль хотя бы на секунду дольше.

Удар был таким, что свет погас, оставив только кровавое мерцание аварийных ламп. Что-то тяжёлое и металлическое сорвалось в грузовом отсеке, протаранило переборку и влетело в кабину.

Мир замедлился. Александр увидел, как ящик с инструментами, словно пущенная из пращи скала, ударил Лазарева в плечо и голову, отшвырнув его в угол с глухим костяным стуком. Как тот же ящик, срикошетив, врезался в панель над Дмитрием, и осколки пластика, острые как бритвы, впились штурману в руку и бок. Хриплый, захлёбывающийся стон Дмитрия перебил вой сирен.

— Держись! — это кричала уже Марина, отстёгиваясь, но новый толчок швырнул её на пол.

Хруст кости был негромким, но отчётливым, как шелчок сломавшейся ветки. Она вскрикнула — коротко и яростно — и поползла к Дмитрию, прижимая неестественно выгнутую кисть к груди. Её лицо было искажено не болью, а яростью — яростью женщины, которая уже потеряла всё, кроме этих троих.

Александр выровнял корабль в последнее возможное мгновение — инстинктом, заложенным глубже любых инструкций. Он не думал. Он просто делал. Корабль врезался в лёд не носом, а всем своим израненным брюхом. Звук был таким, будто сама планета сломала хребет.

Потом — тишина. Глухая, абсолютная, нарушаемая только шипением металла, прерывистыми всхлипами Дмитрия и собственным бешеным стуком сердца в висках.

Холод пришёл первым. Он пробирался сквозь трещины в корпусе, оббивал лодыжки, заползал под комбинезоны, превращая дыхание в облака колючего тумана. Они сэкономили

энергию, оставив один аварийный обогреватель в кабине — от него тянуло слабым дрожащим теплом и запахом раскалённой пыли. Раненых перенесли туда.

Дмитрий лежал бледный, как антарктический лёд, с тёмными кругами под глазами. Марина, со сломанным запястьем, одной рукой и зубами рвала обрывки термоодеяла на бинты. Её лицо было искажено не болью, а сосредоточенной яростью.

— Глупый... — шипела она, перевязывая его рваные сочащиеся раны. — Глупый шутник... Теперь будешь молчать?

— Только... если ты мне... рот зашьёшь, доктор, — выдавил Дмитрий, и на его потных побелевших губах дрогнуло подобие улыбки. — Зато теперь... у меня будет... крутой шрам. Для дам. Если, конечно... они ещё не вымерли... в этом весёлом курорте...

Артём очнулся через несколько часов. Его тошнило, он не мог сфокусировать взгляд. Сотрясение, возможно, трещина в ключице. Он лежал и смотрел в потолок — глаза стеклянные, губы шевелились беззвучно.

Александр пытался выйти на связь. Эфир был мёртв. Не просто пуст — мёртв, будто сама атмосфера отравлена статикой Вихря. За иллюминатором он видел не знакомую Землю, а сюрреалистичный пейзаж: бескрайнее поле льда, испещрённое чёрными, как смоль, прожилками, будто по нему прошёлся гигантский паук с чернильным брюхом. Небо светилось тем же большим разорванным светом — ядовито-зелёные сполохи рвали багровую пелену. Это была не его Земля. Это была планета в лихорадке.

На вторые сутки Дмитрий начал бредить. Он говорил о марсианской пыли, которая шептала на забытом языке, о красных глазах, мерцающих в глубине шахты «Дедал» как угли в пепле. Голос становился всё тише, прерывистей — будто холод высасывал из него последние силы.

— Я... я видел её... — бормотал он. — Она смотрит... красная... как кровь... она поёт...

Он дёрнулся, пытаясь сесть, но Марина мягко, но твёрдо прижала его обратно.

— Лежи, дурак, — прошептала она, голос дрожал. — Не уходи, слышишь? Не смей уходить. Ты мне нужен. Нам всем нужен.

Дмитрий улыбнулся сквозь бред — слабо, почти неосознанно.

— Я... я ещё не закончил шутить, доктор... Подожди... ещё один анекдот...

Но шутка оборвалась на полуслове. Он затих, дыхание стало поверхностным. Марина прижалась к нему сильнее. Сломанная рука пульсировала болью, но она не отстранялась. Она просто держала его, будто могла удержать жизнь одной лишь силой воли. Слезы текли по её щекам, но она не вытирала их — пусть он чувствует, что не один.

Александр сидел рядом, глядя в темноту. Он думал о Кате, о том, как она кричала в наушниках на Луне, о том, как он остался один. Думал: если Дмитрий умрёт — это будет его вина. Опять. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, и кровь потекла по пальцам. Боль была приятной — она напоминала, что он ещё жив.

Артём лежал напротив, глядя в потолок. Лицо серое, глаза стеклянные. Он не говорил. Просто смотрел. В его взгляде была не вина. Это была тоска — человека, который понял, что предал не только команду, но и самого себя.

Холод проникал глубже. Обогреватель гудел, но тепла не хватало. Они кутались в остатки термоодеяла, прижимались друг к другу, делили дыхание. Марина пела — тихо, почти беззвучно, старую колыбельную, которую пела её мать. Дмитрий иногда отвечал — слабым хриплым смешком. Артём молчал. Александр смотрел в иллюминатор, где небо рвалось на части, и думал: «Мы выживем. Мы должны выжить. Потому что если не мы — то кто?»

На третий день они услышали рёв. Не Вихря. Не ветра. Рёв двигателей. Гигантский, серый, вмёрзший в лёд левиафан — атомный ледокол «Восток» — появился из белого марева, как призрак из другого мира.

Глава 11. Чудесное спасение Антарктида. Ледокол «Восток»

Их нашёл не корабль — призрак.

«Восток» вынырнул из белого марева, как левиафан, рождённый из самого льда. Гигантский, серый, с обводами, вырезанными будто из кости планеты. Его нос разламывал лёд с тяжёлым ритмичным стоном, словно сердце, которое отказывается остановиться. Люди в потрёпанных мехах, появившиеся из снежного тумана, казались не спасателями, а обитателями нового жестокого мира. Их лица были обветрены до чёрных масок, глаза прищурены от вечного взгляда в белизну, а в движениях — та особая экономия сил, которая приходит только после многих лет борьбы с холодом, не прощающим слабости.

Капитан Белов был высечен из того же льда, что и его корабль. Высокий, широкоплечий, с бородой, в которой застыл иней, он шагал по палубе, будто лёд был продолжением его тела. На мостике «Востока» пахло дешёвым табаком, варёной картошкой и безнадёгой — запахом людей, которые давно забыли, что такое тепло дома. Он протянул Александру стакан воды. Вода была идеально чистой, холодной, драгоценной, и в ней отражалась тусклая лампочка — единственная звезда в этом новом мире.

— Добро пожаловать в то, что осталось, — сказал Белов. Его голос был низким, как скрежет льда о сталь. Он не улыбался. Просто смотрел — долго, изучающе, будто взвешивал их на невидимых весах. В его глазах не было ни удивления, ни жалости. Только усталое узнавание — узнавание людей, которые видели слишком много смерти.

Пока корабельный врач — угрюмый, молчаливый, с руками, покрытыми старыми ожогами — возился с ранами, Белов рассказывал. Он не смотрел на них, а в иллюминатор, на свою белую пустыню, где ветер гнал снежные вихри, как души, потерявшие покой.

— Вихрь плюётся, — сказал он просто, без пафоса. — Гравитационные слюни. Один такой язык лизнул пол-Азии. Теперь там плоское блестящее место — как стол, покрытый лаком. Людей нет. Небеса прожжены. Солнце теперь не греет — оно жарит, как паяльная лампа. Реки... — он махнул рукой, и на его лице на мгновение мелькнула тень былой боли. — Реки ушли под землю или высохли, оставив после себя трещины, похожие на шрамы. А вода... вода теперь — власть. Её продают те, у кого она есть, тем, у кого есть что продать. Мы возим её — вернее, добываем лёд древних антарктических айсбергов и доставляем на материк. «Крона» говорит: гуманитарная миссия.

Он впервые повернулся к ним, и в его выжженных, цвета стального льда глазах Александр увидел ту же ярость, что была у Марины.

— Я видел, как воду из моего трюма — чистую, древнюю, как сама планета — разливают в хрустальные графины для новых царей в подземных бункерах. Я кормлю дракона, который сжёг мир.

Александр слушал, не перебивая. В его груди росло что-то тяжёлое — не гнев, а понимание. Они вернулись не домой. Они вернулись в могилу, которую ещё не засыпали.

Когда их оставили одних в тесной, пропахшей ржавчиной и смазкой каюте для гостей, Лазарев заговорил. Он сидел, обхватив голову руками, но голос его был чист и страшен, как ледяной ветер снаружи.

— На Марсе... в шахте «Дедал»... мы нашли не просто минерал, — начал он, глядя в пустоту. — Мы нашли следы. Следы катастрофы, которая была... рукотворной. Структуры, которым нет объяснения в наших учебниках. И данные... обрывки данных первой экспедиции.

Он поднял глаза, и в них было отражение марсианского кошмара.

— «Крона» не просто хочет выжить. Они что-то знали. Знали о Вихре заранее. Готовились. Я думал, они хотят его изучить, чтобы остановить. Но чем больше я видел... тем больше понимал. Они смотрят на него не как на чуму, а как на ресурс. На оружие. — Он посмотрел прямо на Александра. — «Кровавая Роса» резонирует с ним. Она — ключ к пониманию его

природы. И они хотят этот ключ, чтобы не закрыть дверь, а открыть её шире. Направить. Контролировать. Я не знаю всех деталей... у меня не было доступа ко всему. Но я уверен: они хотят использовать энергию Вихря, чтобы править тем, что от мира останется. Мы везём им не лекарство. Мы везём им рукоять для бича.

Тишина в каюте была густой, как смола. Даже Дмитрий, полубессознательный, затих, будто прислушиваясь.

— Значит, всё это... было спланировано? — тихо спросила Марина. Голос дрожал от ярости и боли. Она сжимала здоровой рукой край койки, костяшки побелели.

— Не знаю, — честно сказал Лазарев. — Но они ждали чего-то подобного. И мы — пешки в их игре. Пешки, которые вдруг выпали с доски.

Марина встала. Сломанная рука прижата к груди, но поза тверда, как скала.

— Лаборатория «Эребус». В Чили, в Андах. Я работала там до полёта. Там есть... аномалии в скальных породах. Структуры, которые не поддаются никакой логике. Что, если это место силы? Что, если там можно попытаться понять этот минерал? Не отдать его «Кроне», а изучить. Найти способ противостоять... всему этому.

Белов, стоявший в дверях и слышавший последние слова, не выразил удивления. Он смотрел на этих избитых, полумёртвых людей с другой планеты.

— Чили, — произнёс он. — Туда ещё ходят караваны. Через полмира, по морю, которое теперь само по себе аномалия.

Он тяжело вздохнул, и его могучая грудь поднялась под толстым свитером.

— Я тридцать лет ломал лёд. Думал, веду корабль к спасению. А оказалось — вожу воду для палачей. — Он выпрямился, и в его глазах вспыхнула старая, почти забытая решимость. — Ладно. Раз уж начал служить дракону, могу попробовать и ткнуть его вилами в глаз. Готовьте ваш груз. Мы меняем курс. Но будьте готовы... уши есть везде.

Перегрузка шла в кромешной тьме антарктической ночи, под сводом неба, разорванного багрово-зелёными шрамами. Контейнер с кроваво-красным минералом, тихо пульсирующим в такт далёким судорогам Вихря, перенесли в заброшенный холодильный отсек в трюме.

На верхней палубе, за массивными обледеневшими лебёдками, стояли двое. Бортинженер Коваль — сухопарый, с лицом, на котором намертво застыло выражение лёгкого презрения, и метеоролог Седых — полный, с бегающими глазками. Коваль поднёс к губам миниатюрный, замаскированный под зажигалку передатчик. Его голос был безжизненным шёпотом, который терялся в рёве ветра и скрежете льда.

— Груз на борту. Носители живы, но ранены. Капитан намерен отступить от маршрута. Курс — чилийский сектор. Лазарев раскололся, делится выводами. Ситуация требует вмешательства. Жду инструкций.

Когда «Восток» с рёвом, похожим на стон гиганта, разламывал лёд, беря курс на северо-восток, Александр Гор стоял на корме. Ледяной ветер, несущий колючую снежную пыль, бил в лицо. Он смотрел на исчезающую во тьме чёрную щербину — могилу «Кеплера». Думал о Кате, о Сергее, о всех, кого потерял. Думал о Земле, которая, возможно, уже не ждала их. Думал о Вихре, который уже не просто приближался — он был здесь. В воздухе. В крови. В их душах.

И он знал: это не конец. Это начало.

Глава 12. Атака «Ночной Ведьмы»

Антарктида. Ледяная вода, ледокол «Восток»

Воздух над ледяной водой был густым и едким, пахнувшим озоном сгоревшей техники и далёкой нездоровой грозой — отголоском Вихря, который уже не просто кружил над планетой, а дышал ей в затылок. «Восток» плыл, разрезая воду цвета свинца и нефти, а вокруг него, как надгробия забытого мира, возвышались сизые громады айсбергов. Лёд отражал небо — не синее, а разорванное, с прожилками ядовито-зелёного и багрового, будто кто-то вспорол

небосвод ножом и оставил рану открытой. Ветер выл низко, протяжно, как раненый зверь, и этот вой проникал в кости, заставляя их ныть.

На мостике стояла та тишина, что звенит в ушах громче любого крика. Капитан Белов, вцепившись в штурвал, вёл корабль сквозь этот мёртвый пейзаж, и каждый мускул на его лице был напряжён, как струна. Он чувствовал: что-то приближается. Не видел, не слышал — именно чувствовал, как зверь чувствует чужого в своей норе. Александр Гор стоял рядом, вглядываясь в белую муть за иллюминатором, и в его груди росло то же ощущение — холодная тошнотворная тяжесть ловушки, которая уже захлопнулась.

— Капитан! На радаре! — голос Ковалёва прозвучал не как предупреждение, а как приговор. Резкий, с металлической ноткой паники, которую он плохо скрывал.

Из-за зубчатой стены голубого льда, будто рождённая самой мглой, выскользнула «Ночная Ведьма». Это был не корабль, а химера из ржавой стали и отчаяния, с угловатыми надстройками, сварными швами, черневшими как шрамы. Имя на борту было выведено не краской, а выжжено — грубо, зло, навсегда. Она двигалась бесшумно, как призрак, и от этого становилось ещё страшнее.

— Полный вперёд! — рявкнул Белов, голос раскатился по мостику, как гром. — Все на палубу! Оружие к бою! Это не гости!

Но времени уже не было.

Атака обрушилась не с рёвом пушек — с механического шипения и жужжания ада.

Сначала прилетели дроны — рой маленьких чёрных злых насекомых. Они пронеслись над палубой с воющим звуком рассеяемого воздуха, оставляя за собой шлейфы едкого дыма цвета гниющей марганцовки. Светошумовые гранаты рванули не звуком, а болью: ослепительная белизна, выжигающая сетчатку, и низкочастотный вой, от которого сжимались внутренности и подкашивались ноги. Матросы «Востока» падали, хватаясь за уши, из которых сочилась кровь. Один из них — молодой парень с обмороженными щеками — закричал, рухнул на колени и пополз, слепо шаря руками по палубе.

Белов выхватил пистолет — старый, потёртый, но надёжный, как его собственная рука. Выстрелил вверх, целясь в ближайший дрон. Пуля попала — дрон взорвался маленьким огненным цветком, осыпав палубу горящими осколками. Но их было слишком много.

— Огонь по тросам! — заорал Белов, перезаряжая на бегу. — Не давайте им зацепиться!

Матросы открыли огонь — кто из винтовок, кто из пистолетов, кто из найденных в трюме охотничьих ружей. Выстрелы гремели, отдаваясь эхом от айсбергов, но тросы всё равно летели — быстрые, чёрные, с железными когтями на концах. Они впились в плоть «Востока» с мерзким скрежетом рвущегося металла. И по этим струнам смерти, используя лебёдки, завывающие как голодные духи, ринулись пираты. Не крича, не рыча. Молча. Их фигуры в лоскутной маскировке мелькали в дыму — быстрые и безликие, как тени. Щелчки электрошокеров, приглушённые хрипы, тяжёлые удары тел о палубу — вот и вся симфония захвата.

Белов стоял на мостике, как скала. Стрелял методично, выбирая цели: один пират упал с простреленной ногой, другой — с простреленным плечом. Но их было слишком много. Один прорвался — высокий, в чёрном капюшоне, с электрошокером в руке. Он прыгнул на Белова, и тот встретил его ударом приклада. Кровь брызнула, пират упал, но в этот момент второй уже был рядом — удар в бок, и Белов пошатнулся, хватаясь за поручень. Кровь текла по его свитеру — тёмная, густая, — но он не упал. Он рыкнул, как зверь, и выстрелил в упор.

Александр бросился на помощь, но его схватили за руки — двое пиратов, быстрых как змеи. Он сопротивлялся, ударил одного локтем в лицо, услышал хруст костей, но второй уже заломил ему руку за спину. Марина закричала, пытаясь вырваться из хватки третьего. Сломанная рука пульсировала болью, но она была здоровой, царапала, кусала. Дмитрий, ещё слабый, но живой, врезался плечом в ближайшего пирата, повалив его на палубу. Лазарев стоял,

не сопротивляясь — смотрел на всё с ужасом и странным облегчением, будто наконец увидел правду о себе.

И среди этого хаоса появилась она.

Сначала Александр увидел только движение — стремительное, точное, почти танцующее. Фигура спустилась по тросу с лёгкостью, граничащей с невесомостью, и стопа коснулась обледеневшей палубы беззвучно. Дым клубился вокруг, и она вышла из него, как призрак из забытой эпохи.

Анна Кречет была средней высоты, но осанка делала её выше всех вокруг: спина прямая, как натянутая тетива, плечи расправлены, подбородок чуть приподнят — не от высокомерия, а от привычки держать голову над уровнем опасности. Комбинезон тёмно-серый, почти чёрный, сшитый из материала, который не шуршит и не отражает свет, обтягивал фигуру плотно, без лишних складок — практичная вторая кожа, под которой угадывались мышцы, выработанные не в спортзале, а годами выживания в условиях, где ошибка равна смерти. На предплечьях виднелись едва заметные шрамы — тонкие белёсые линии, похожие на трещины в фарфоре. Следы старых порезов. Каждый из них был историей, которую она никогда не рассказывала.

Она сделала шаг — и палуба не скрипнула под ней. Её движения были экономными до предела: ни одного лишнего жеста, ни одного шага впустую. Когда она шла — тени не дрожали. Когда останавливалась — воздух вокруг густел. Её присутствие ощущалось физически: температура падала на пару градусов, сердцебиение ускорялось, дыхание становилось поверхностным.

Лицо Анны казалось выточенным из одного куска бледного мрамора: высокие скулы, прямой нос с лёгкой горбинкой, тонкие губы, которые редко улыбались, но когда это случилось, улыбка была острой, как лезвие. Глаза — серо-стальные, почти прозрачные, с чёрными точками зрачков, которые расширялись не от света, а от интереса или угрозы. В них не было ни тёплого блеска, ни мягкости — только холодная хирургическая ясность. Взгляд Анны не просто смотрел — он препарировал: фиксировал пульс на шее собеседника, оценивал, как дышит грудь, как напрягаются мышцы плеч, как дрожат пальцы.

Волосы — тёмно-каштановые, с едва заметным красноватым отливом под светом ламп — были собраны в тугий низкий пучок, из которого выбивались несколько непослушных прядей, падавших на висок и щёку. Они казались живыми, будто впитывали окружающий мрак и возвращали его в виде лёгкого металлического блеска. На правом виске, у самой линии волос, виднелся маленький, почти незаметный шрам в форме полумесяца — след от чего-то острого, что когда-то прошло слишком близко к артерии.

На поясе висела рапира — не декоративная, не церемониальная, а настоящая боевая. Длинная, прямая, с узкой гардой и рукоятью, обмотанной чёрной кожей. Ножны простые, потёртые, но идеально подогнанные, чтобы клинок выходил мгновенно, без задержки. Это оружие не было трофеем. Оно было продолжением её руки — таким же точным, холодным и беспощадным.

Она взошла на мостик. Её шаги были тихими, но каждый отдавался в натянутой тишине громче выстрела. Прошла мимо связанных матросов, мимо Белова, который стоял, сжимая не выстреливший пистолет, и его пальцы были белыми от напряжения. Кровь текла по его боку, но он не падал. Он смотрел на неё — не с ненавистью, а с усталым уважением человека, который узнал равного.

Её взгляд, холодный и аналитический, скользнул по Ковалю и Седых — те съёжились, будто от удара, — и наконец остановился на Александре.

Она подошла так близко, что он почувствовал запах: не грязи и пота — кожи, стали и чего-то горького, вроде полыни. Её глаза изучали каждую черту его лица, каждую морщину усталости.

— Ты не отсюда, — сказала она. Голос низкий, ровный, без радиофицированного искажения. Он звучал удивительно человечно в этом кошмаре. — В позе читается невесомость. Привычка к другим законам. Пилот.

Александр кивнул, глотая ком в горле. Собственный голос прозвучал хрипло:

— Александр Гор. Капитан космического корабля «Кеплер». Марс.

— Анна Кречет. Капитан «Ночной Ведьмы». — Её голос снова стал командирским, острым. — Связать всех. Обыскать корабль до последнего болта.

Потом она повернулась к своим людям и указала клинком рапиры — не как оружием, а как указкой — на Александра и на выбежавшего Лазарева, лицо которого было искажено не страхом, а лихорадочным любопытством.

— А этих — в каюту капитана. Теперь. — Она посмотрела прямо на Александра. В её взгляде не было угрозы. Было обещание. Обещание докопаться до истины, слой за слоем, если понадобится — слой за слоем плоти. — Вы расскажете мне всё. Всю правду о том, зачем «Крона» снова полезла на Марс. И что вы принесли оттуда в этот умирающий мир. И если я заподозрю ложь...

Она не закончила. Её взгляд, скользнувший по тонкому смертельному клинку у бедра, закончил мысль за неё.

Захват был завершён. «Восток» затих, пленённый в сетях «Ведьмы». Но в каюте капитана, в клубах пара от дыхания и в свете копилки, только начиналась настоящая битва — битва за доверие, за правду и за наследие человека, который связывал их всех, незримо присутствуя в пространстве между ними.

Глава 13. Скрещение путей

Ледокол «Восток», каюта капитана

Каюта капитана ледокола «Восток» была тесной, как склеп. Воздух гудел от низкочастотной вибрации винтов и был густ от запаха махорки, металла и человеческого пота. Напряжение висело плотной пеленой, которую прорезали лишь острые настороженные взгляды.

Александр Гор сидел прямо, плечи неестественно напряжены, взгляд холодно-оценивающий. Он изучал Анну, словно пытался прочитать её намерения сквозь броню безразличия. Руки лежали на столе ладонями вниз, пальцы слегка растопырены — жест вынужденного спокойствия, за которым скрывалась готовность к любому движению.

Рядом с ним Артём съёжился, будто пытаясь стать меньше. Он избегал смотреть в глаза пиратам — взгляд блуждал по потолку, по стенам, по заиндевевшему иллюминатору, где угодно, только не на лица тех, от кого теперь зависела его жизнь. Дыхание частое, поверхностное, пальцы нервно теребили край рукава.

Марина сидела неподвижно, как статуя. Руки сложены на коленях, спина прямая. Только тонкая линия сжатых губ выдавала внутреннее напряжение. Она смотрела на Анну не с ненавистью, а с холодным профессиональным интересом — так смотрят на неизвестный образец в лаборатории.

Напротив восседал хозяин судна — капитан Белов. Он откинулся на спинку кресла, массивный и непроницаемый, как скала. Руки, покрытые татуировками, лежали на подлокотниках, большие пальцы медленно водили по потёртой коже. Он просто смотрел. Взгляд — тяжёлый и безразличный — скользил по лицам пленников, будто взвешивал их на невидимых весах.

Слева от Анны, прислонившись к стойке с приборами, стоял её боцман — молчаливый, жилистый мужчина с лицом, изрезанным старыми шрамами. Он не сводил глаз с экипажа «Кеплера», рука лежала на рукояти пистолета у пояса.

Справа от Александра, на единственном свободном ящике, сидел Дмитрий Соколов. Его обычная расслабленная поза сменилась жёсткой собранностью. Он смотрел прямо перед собой,

но взгляд был прикован к Анне, а не к своему командиру. В глазах горела смесь любопытства и настороженности — он уже решил, что эта женщина опаснее всех пиратов вместе взятых.

Анна первой нарушила тишину. Голос ровный, без эмоций, как лезвие, прорезающее лёд.

— Вы не грузчики. И не контрабандисты. Ваши лица есть в базе «Кроны» как пропавшие без вести члены экипажа «Кеплера». Марсианская экспедиция. Объясните, что вы делаете в трюме этого ледокола. И почему «Крона» объявила вашу миссию проваленной ещё до вашего возвращения.

Александр медленно кивнул, будто ожидал этого вопроса. Сделал паузу, собираясь с мыслями, и заговорил тихо, но твёрдо, отчеканивая каждое слово.

— Потому что мы не вернулись туда, куда должны были. Мы попытались сбежать. С образцом.

— Образцом? — Анна наклонила голову, глаза сузились. Пальцы неосознанно нащупали в кармане куртки гладкую грань кристалла Паладора. Он отдавал лёгким постоянным теплом — единственной точкой опоры в этом хаосе. — Вы говорите о марсианской породе. Зачем воровать камень?

Артём не выдержал. Он вздрогнул, словно от удара током, и слова полились из него — сдерживаемые месяцами страха и изоляции.

— Это не просто порода! — он говорил быстро, путано, глотая окончания. — Его структура... она аномальна. Он излучает поле, которое не подчиняется известным законам. Мои расчёты... они указывают, что он может быть лишь фрагментом. Частью системы.

— Системы? — переспросила Анна. Голос оставался холодным, но внутри что-то ёкнуло.

В памяти всплыло последнее свидание с братом — в сырых тёмных Каирских подземельях, где эхо шагов отдавалось от сводов, как дыхание мёртвых. Леонид тогда стоял в полумраке, освещённый только фонарём, глаза горели лихорадочным светом. «Спрячь. Никому. «Крона» убьёт за него». Он не летал на Марс. Он копался в архивах. Нашёл следы. И его убили. За то же самое, о чём сейчас говорит этот дрожащий учёный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.